

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ПИТЕР ДЖЕЙМС

ПРЫЖОК НАД ПРОПАСТЬЮ

В мире
продано более
50 миллионов
экземпляров
книг Питера
Джеймса!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Питер Джеймс

Прыжок над пропастью

«Азбука-Аттикус»

2000

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Джеймс П.

Прыжок над пропастью / П. Джеймс — «Азбука-Аттикус»,
2000 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-15398-1

Вера вышла замуж по любви и стала еще красивее благодаря мужу – преуспевающему пластическому хирургу Россу Рансому. Казалось бы, ее жизнь похожа на сказку. Но сказки бывают страшными... Через несколько лет после свадьбы Вера с напряжением будет прислушиваться: не шуршат ли по гравию шины, не возвращается ли ее муж домой раньше времени? Отчего она так боится его, ведь он любит ее до смерти? Но не только душевное смятение и страх заставляют страдать молодую женщину – она ощущает странные симптомы, на которые обращает внимание ее новый знакомый, доктор Кэбот, приверженец нетрадиционной медицины. Разумеется, муж, тем более такой ревнивый, как Росс, против этого знакомства! Он был так искренен со своей женой, он желал ей только добра, он все – или почти все – рассказал ей о своем прошлом... Разъяренный не на шутку, хирург нанимает частного детектива, чтобы следить за женой, а та с каждым днем чувствует себя все хуже. Ей кажется, что у нее под ногами разверзается пропасть. Спасти Веру может только чудо...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-15398-1

© Джеймс П., 2000
© Азбука-Аттикус, 2000

Содержание

Пролог	7
1	9
2	12
3	13
4	18
5	21
6	22
7	23
8	29
9	31
10	34
11	39
12	41
13	44
14	46
15	47
16	50
17	55
18	57
19	60
20	62
21	63
22	66
23	70
24	72
25	74
26	76
27	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Питер Джеймс

Прыжок над пропастью

*Памяти моей матери Корнелии – лучшего друга, которого мне
очень недостает*

Peter James

FAITH

Copyright © Peter James/ Really Scary Books Ltd 2000

All rights reserved

First published in 2000 by Orion, London

Перевод с английского А. Кровяковой

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки И. Кучмы

© Перевод. ООО «Центрполиграф», 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Кто-то говорил Мэдди Уильямс: люди всегда чувствуют приближение смерти. А может, она это где-то вычитала – в газете или журнале. Она читала много женских журналов – особенно «проблемные» странички с историями о различных страхах и фобиях, в которых рассказывалось о людях вроде нее, комплексующих по поводу собственной внешности: огромного носа, отвислой груди, оттопыренных ушей, тонких губ.

Есть автомобили, которые сходят с конвейера бракованными, – такие называют «пятничными», так как их делают в спешке, накануне выходных. Наверное, так же и с людьми. При создании некоторых, «пятничных», особой забывают заложить определенные звенья в цепи ДНК – а может, происходит сбой в программе. В результате у «пятничных» слишком близко поставлены глаза, или не хватает пальцев на руках, или заячья губа, или, как у нее, закрывающее пол-лица винно-красное родимое пятно, напоминающее очертаниями штат Техас на карте. Несчастные жертвы обречены всю жизнь открыто демонстрировать свои дефекты, как будто они несут знамя с надписью: «Вот что сотворили со мной мои гены!»

Но она, Мэдди Уильямс, больше не из их числа. С десяти лет, увидев по телевизору документальный фильм о пластической хирургии, она начала копить деньги на операцию. И пусть Дэнни Бертон, другие одноклассники, да и почти все встречные незнакомцы пялились на нее с таким видом, будто она уродка. Мэдди экономила на всем, собирая деньги на пластические операции, призванные изменить ее жизнь. К тому же ее оперировал один из самых знаменитых пластических хирургов Великобритании.

Несколько месяцев назад Мэдди впервые пришла к нему на прием, и он набросал на бумаге, а потом показал ей на экране монитора ее новое лицо. Через три недели он сделал ей первую операцию. Мэдди мешало жить не только родимое пятно в форме штата Техас; вместо крючковатого клюва с горбинкой ей хотелось иметь короткий вздернутый носик, как у Кэмерон Диас, более полные, чувственные губы, приподнятые скулы. Тридцать один год она провела в аду, но теперь все изменится!

И вот сейчас она лежит на операционном столе – голова дурная от премедикации, мысли путаются... не верится, что все сбудется... вот сейчас, уже совсем скоро! Ведь с ней в жизни никогда не случалось ничего хорошего – так уж она устроена. Всякий раз, как ей подворачивалось что-то стоящее, оно неизменно ускользало из рук. Она и об этом читала – о людях, которых преследуют неудачи. Наверное, есть и какой-то ген невезучести...

По правде говоря, после двух операций Мэдди выглядела вовсе не так сногшибательно, как ожидала. Форма носа ее разочаровала – крылья слишком широкие. Но хирург обещал их поправить. Сегодняшняя операция совершенно несерьезная – под местным наркозом; немножко пощиплет и пройдет.

Когда я приду в себя, у меня будет носик как у Кэмерон Диас.

Скоро я буду такой, какой всегда мечтала быть. Нормальной. Я стану обыкновенной – как все.

Над головой кремовый оштукатуренный потолок; он кажется старым, как будто с него свисает паутина и по нему ползают жуки. *Я куколка, заключенная в коконе; скоро я вылечу из кокона красивой бабочкой.*

Стол под Мэдди слегка качнулся; что-то оглушительно гроыхнуло – неужели колесики? Как барабаны... В лицо хлынул ярчайший свет. Стало тепло.

«Загорю!» – подумала она.

Над ней склонились две фигуры в зеленых хирургических костюмах; под масками и накрахмаленными шапочками лиц не видно. Медсестра и хирург. Его глаза неотрывно смотрят ей в лицо. В прошлый раз глаза хирурга лучились теплотой и весельем, но сейчас все по-

другому: его глаза холодны и абсолютно ничего не выражают. Мэдди словно обдало ледяным порывом ветра, и смутное дурное предчувствие, овладевшее ею несколько минут назад, превратилось в ужасающую уверенность: она не переживет этой операции!

Люди чувствуют приближение смерти.

Ей нечего бояться. И потом, сам хирург такой славный – просто чемпион мира по обаянию! Он показывал ей, какой красавицей он может ее сделать; он держал ее за руку, успокаивал; он даже постарался убедить ее в том, что она и так выглядит вполне нормально и никакая пластическая операция ей не нужна, что родимое пятно на лице и крючковатый нос только прибавляют ей шарма...

Но сегодня он какой-то не такой – а может, ей только кажется? В поисках утешения Мэдди посмотрела на медсестру. Ответом ей был теплый, сочувственный взгляд. Медсестра ничего плохого не предчувствовала. Но...

Люди чувствуют приближение смерти.

Одни и те же слова повторялись непрерывно. Она не переживет операции, ей нужно уйти отсюда – сейчас же, сию минуту! Все отменить, аннулировать...

Мэдди попыталась заговорить, но тут хирург склонился над ней; рука в перчатке держала ватный тампон; он начал обрабатывать кожу вокруг крыльев носа – сначала слева, затем справа. Она хотела пошевелиться, покачать головой, закричать, но ей показалось, будто туловище отсоединили от мозга.

Пожалуйста, помогите мне! О боже! Помогите – кто-нибудь!

Мрак окутывал ее, унося остатки мыслей до того, как она успевала их сформулировать, до того, как они могли бы превратиться в слова. И сейчас, глядя в глаза хирурга, она видела в них странную улыбку – как будто раньше он скрывал от нее нечто важное, а сейчас больше не видит необходимости ничего скрывать.

И тогда Мэдди ясно поняла: сегодня она умрет.

1

Промозглым майским вечером Вера Рансом обходила комнаты первого этажа в поисках разбросанных деталей от конструктора лего и думала: «Неужели это все? Неужели это моя жизнь – и больше в ней ничего не будет?»

– Мама! Ма-моч-ка-а-а! Иди посмотри! – звал из кухни Алек.

Она вздрогнула. Ее подташнивало. В Англии она мерзла после трех недель жаркого тайландского солнца. Они дома всего четыре дня, а кажется, что намного дольше. Четыре века. Наклонившись, Вера достала из-под дивана ярко-желтую угловую детальку и вздохнула с облегчением. Росс наверняка бы заметил непорядок. И тогда...

– Ма-моч-ка-а-а-а!

Не обращая внимания на зов сынишки, Вера поднялась вверх и принялась инспектировать лестницу в поисках пятен, грязи, отпечатков собачьих лап; осмотрела стены – не испачкались ли; проверила освещение – не перегорела ли где-нибудь лампочка. Глаза привычно обшаривали ковровое покрытие; она подобрала еще одну деталь лего, зашла в комнату Алека и положила оба добытых трофея в коробку на столе. Внимательно огляделась по сторонам, подняла с пола игрушечного робота, запихнула кроссовки Алека в распахнутый шкаф и прикрыла дверцу, поправила покрывало с рисунком из «Звездных войн», аккуратно рассадил поверх него мягкие игрушки в ряд.

Спайк, хомяк Алека, толстый, несмотря на то что его называли в честь худющей собаки из мультсериала «Ох уж эти детки!», носился в колесе, закрепленном в клетке-домике. Вера подобрала со столешницы несколько просыпавшихся гранул сухого корма и бросила их в мусорную корзину.

Закончив, она услышала громкий, оглушительный лай Распутина, черного лабрадора: «Вуф!.. Вуф!.. Вуф!..» И сердце у нее сразу забилось чаще.

По гравию шуршат шины. Пес не ошибся!

Вера пошатнулась.словно штормовые волны бушевали внутри нее. С громким лаем Распутин прошлепал из кухни через холл в гостиную, где взгромоздился на стул у окна, чтобы лучше видеть хозяина.

Сегодня он рано.

– Алек! Папа приехал!

И Вера бросилась в спальню, огляделась, проверяя, все ли в порядке. Кровать под балдахином на четырех дубовых столбиках аккуратно застелена. Туфли, тапочки, пижамы сложены и убраны. Так, теперь ванная. На раковине ни пятнышка. Полотенца расправлены – точно так, как нравится Россу.

Вера торопливо сбросила джинсы и майку – обычную домашнюю одежду. Нет, у нее не было никакого настроения переодеваться к приезду мужа; просто хотелось избежать критики.

В ванной она посмотрелась в зеркало. В шкафчике пластиковая бутылочка с таблетками – ее «таблетками счастья»! Вот уже месяц, как она их не принимает; она твердо решила вовсе отказаться от них и победить депрессию, которая длится шесть последних лет, с тех пор как родился сын, – победить навсегда!

Вера наложила на веки тени, подкрасила ресницы. Так, теперь чуть помады на губы и пудры на безупречный вздернутый носик (за него надо благодарить не папу с мамой, а искусство мужа). Затем она надела черные свободные брюки от Карен Миллен, белую блузку, светло-зеленый кардиган от Бетти Барклай и черные кожаные мюли на высоком каблуке. Проверила, не растрепалась ли прическа. Вера, натуральная блондинка, любила классический стиль. Сейчас ее волосы были разделены аккуратным пробором слева; сзади длина до плеч, спереди пышная челка.

Неплохо выглядишь, подруга, для тридцатидвухлетней мамыши.

Разумеется, многим из того, чем она может гордиться, она обязана Россу.

В замке повернулся ключ.

Сбежав по лестнице, она увидела и услышала все разом: скрип открываемой двери, пса, метнувшегося навстречу хозяину, шуршание дорогого плаща, черный кейс, расстроенное лицо.

Вера взяла кейс и плащ, которые Росс, не глядя, сунул ей, словно горничной, и подставила щеку для небрежного, мимолетного поцелуя.

– Привет, – сказала она. – Как прошел день?

– Ужасно. Потерял пациентку. Умерла прямо на столе. – В голосе Росса угадывались боль и обида; он с силой захлопнул дверь.

Рослый – шесть футов и четыре дюйма, – с блестящими волнистыми черными волосами, зачесанными назад и благоухающими парфюмом, ее муж напоминал красавца-гангстера: хрустящая белая рубашка, шелковый красный с золотом галстук, темно-синий костюм, сшитый на заказ. Складками на брюках можно резать сыр, черные башмаки вычищены по-армейски безупречно.

Вере показалось, Росс сейчас расплатится. Но при виде сына его лицо просветлело.

– Папа, папа!

Алек, у которого еще не сошел тайландский загар, со всех ног бросился к отцу; тот подхватил его на руки.

– Здравствуй, великан! – Росс так крепко прижимал сынишку к груди, как будто сосредоточивал в теплом комочке все надежды и мечты мира. – Как делишки? Как прошел день?

Вера улыбнулась. Не важно, какие чувства испытывает она сама; любовь, связывающая мужа и сына, всегда придавала ей сил и укрепляла решимость сохранить семью во что бы то ни стало.

Повесив плащ мужа на вешалку и поставив кейс на пол, она направилась в кухню. На экране телевизора начальник устраивал выволочку Гомеру Симпсону. Вера налила в тumbлер на три пальца виски «Макаллан» и нажала краем стакана кран льдогенератора, встроенного в холодильник «Мэйтаг». В тumbлер со звоном упали четыре кубика льда.

Росс вошел в кухню следом за ней и поставил Алека на пол. Внимание мальчика тут же переключилось на телевизор.

– Кто умер? – спросила Вера, подавая мужу виски. – Пациентка?

Росс поднял тumbлер на свет, осмотрел, не грязный ли, нет ли следов помады и бог знает чего еще, – он всегда очень пристально осматривал бокалы, прежде чем поднести к своим священным губам.

Одним махом выпил треть содержимого. Вера подошла ближе, распустила узел его галстука, нехотя положила руку мужу на плечо – на большее она сейчас не была способна и ничего не хотела, – но тут же отстранилась.

– Папа, я сегодня забил два гола!

– Да, точно! – с гордостью подтвердила Вера.

– Здорово! – Росс подошел к сыну сзади и обхватил его руками. – Целых два гола?!

Алек кивнул; он разрывался между желанием получить похвалу и посмотреть мультсериал.

Улыбка на лице Росса увяла. Он сел на стул.

– Два гола! – Глаза его больше не искрились радостью. Он похлопал Алека по голове, повторил: – Просто здорово! – Затем ушел в свой кабинет и, против обыкновения не сняв пиджак, сел в кожаное регулируемое кресло «Паркер Нолл». Опустил спинку в крайнее лежащее положение, поднял подножку и закрыл глаза.

Вера наблюдала за мужем. Он страдает – но ей отчего-то нисколько не жаль его. Хотя... какая-то часть ее по-прежнему хочет, чтобы между ними все стало так, как раньше, правда, теперь больше ради Алека, чем ради нее самой.

– Умерла. Вот дрянь, не ожидал от нее такой подлости!

– От кого? – спокойно уточнила Вера. – От пациентки?

– От нее, чтоб ее... Черт ее дернул сдохнуть прямо на столе, во время операции!

– Что с ней случилось?

– Аллергия на наркоз. Уже второй случай за год... Господи!

– Анестезиолог тот же самый – Томми?

– Нет, Томми не было. Я работал без анестезиолога. Подумаешь, операция пустяковая – коррекция крыльев носа. Ее делают под местным наркозом; для этого анестезиолог не требуется... Дай, пожалуйста, сигару.

Вера пошла в столовую, извлекла из хьюмидора «Монтекристо № 3», аккуратно отрезала кончик – так, как любил Росс, – и, вернувшись в кабинет, подала мужу сигару и зажегала «Дюпон». Он закурил, повертел сигару над пламенем, чтобы табак загорелся равномерно. Потом выпустил голубоватую струю в потолок.

– А ты как сегодня? – спросил Росс, не открывая глаз.

– Все нормально. Хорошо, – сдержанно ответила она, хотя ее так и подмывало сказать: «Паршиво, как всегда».

Он кивнул и, помолчав несколько минут, заявил:

– Я люблю тебя, Вера. Без тебя я не смог бы жить. Ты ведь знаешь?

«Да, знаю, – подумала она. – Вот в том-то и проблема».

2

Мальчик стоял в переулке; вдали от уличного фонаря царил темнота. Была теплая сентябрьская ночь; у мальчика над головой слабо мерцала тусклая лампочка; ее свет едва проникал за занавески открытого окна.

Услышав рев мотора, мальчик вжался в стену. Завизжали тормоза; машина проехала мимо. Где-то гремело радио; он уловил слова новой песни «Лав ми ду». В ноздри ударила вонь из стоящих рядом мусорных баков. Мальчик сморщился.

Легкий ветерок раздувал занавески; слабые отблески света плясали на боковой стене дома, где не было окон. Невдалеке залаяла собака, потом наступила тишина. И тогда он услышал женский голос:

– О да... Господи, да! Сильнее, трахни меня сильнее, о боже, о да, да, да!

В правой руке мальчик сжимал тяжелую прямоугольную канистру с бензином, закрытую круглым колпачком, с тонкой металлической ручкой, которая больно резала ладонь. На канистре было выбито: «Шелл ойл». От нее пахло машинным маслом. Там было почти пять литров бензина, которые он нацедил из бака отцовского «морриса».

В кармане у мальчика был спрятан коробок спичек.

В сердце полыхала ненависть.

3

Между ног было скользко от спермы Росса. Вера лежала тихо, слушая, как он мочится в туалете. Из-за раздернутых штор пробивался серый свет, вдали виднелись пышные зеленые кроны берез. Радиочасы бормотали новости, но она едва разбирала слова. Опять убитые в Косове... Потом – проверка точного времени: 6:25; среда, 12 мая.

Вера потянулась за контейнером, где в растворе плавали ее контактные линзы; отвернула крышку. Через двадцать минут пора будить Алека, кормить его, отправлять в школу, а потом?..

Тошнота, отравлявшая ей жизнь уже несколько дней, сегодня усилилась. Вдруг Веру передернуло.

Неужели беременность?

О боже! Только не это!

Через год после рождения Алека они попытались завести второго ребенка, но ничего не получилось. Еще год спустя Росс заставил ее сдать анализы, но оказалось, что у нее все в порядке. Видимо, проблема была в нем, но он не желал в это верить и, нагрубив, отказался пойти к специалисту.

Постепенно Вера поняла, что отсутствие второго ребенка – благо для нее. Она до смерти любит Алека, но с ним бывает трудно, а ее силы на исходе. Неизвестно, смогла бы она воспитать еще одного малыша.

И потом, Вера знала: она не разводится с мужем потому, что не мыслит жизни без Алека. При ее депрессии Росс ни за что не позволит ей забрать сына; да и в ее теперешнем состоянии вряд ли она справится с мальчиком. Росс любит сына; в этом не может быть сомнений. Но он оказывает на Алека влияние. Алек носит в себе гены Росса, и тут ничего не поделаешь. Остается надеяться лишь на то, что любовь и ласка помогут вызвать к жизни положительные черты, унаследованные мальчиком от отца, и избавиться от всего плохого.

– Дорогая, что ты наденешь вечером? – крикнул Росс из ванной.

Включай мозги, быстрее!

– Наверное, темно-синее платье от Вивьен Вествуд, которое ты мне купил.

– Ну-ка примерь, а я посмотрю!

Вера послушно надела платье. Росс показался на пороге – голый, волосы влажные, во рту зубная щетка. Внимательно оглядел ее:

– Нет. Не пойдет. Слишком легкомысленно. Для сегодняшнего случая не годится.

– Может, черное из тафты от Донны Каран?

– Давай посмотрим.

Он зашел в ванную, снова выглянул; на щеке в облаке пены – чистая дорожка.

Вера повертелась на каблуках.

– Нет; оно больше годится для бала, а сегодня будет только ужин. – Росс решительным шагом подошел к ее платяному шкафу, защелкал плечиками, вытянул платье, бросил его на шезлонг. Потом еще одно... и еще...

– Пора будить Алека.

– Примерь-ка вот эти. Тебе нужно выглядеть как надо – сегодняшнее мероприятие очень важно для меня.

Отвернувшись, Вера выругалась про себя. Черт бы побрал его вечные «важные мероприятия»! Тем не менее она надела еще одно платье. Потом другое. Сегодня ей не нравилось ничего. Волосы лежат ужасно; спутались. А паршивая сырая погода в последние три недели смыла остатки ее загара, и кожа стала обычного цвета, что называется, «только что из могилы». Смертельная бледность. Пару лет назад подруга, Сэмми Харрисон, поддразнивала

Веру, говоря: когда Вера хорошо выглядит, она похожа на Мег Райан в худшие минуты ее жизни. А сегодня день явно не задался.

– Надо посмотреть, как оно сочетается с туфлями! – крикнул Росс, разглядывая жену в зеркало и сбывая остатки пены. – И подобрать сумочку.

Без десяти семь – и он смахивает с подбородка каплю крови. На кровати разложены платье, туфли, сумка, ожерелье, серьги. Алек еще спит.

– Вот теперь хорошо. Уложи волосы. – Охватил ее лицо ладонями, легко поцеловал в губы и ушел.

«Жизнь – сволочная штука», – думала Вера. И дело не в том, что ты умираешь; просто, сама того не замечая, становишься той, кем ты никогда не хотела быть.

В школе она любила помечтать, разглядывая фотографии и читая статьи о богатых и знаменитых в глянцевых журналах, – казалось, у них есть все. Но она не хотела стать одной из них и не завидовала им. Ее отец, мягкий, тихий человек, который никогда не жаловался, был прикован к постели, и Вере, сколько она себя помнила, приходилось работать, чтобы помочь маме сводить концы с концами. В выходные она располагалась в гостиной на ковре и пришивала пальцы к перчаткам для местной перчаточной фабрики, где мама трудилась на полставки; с двенадцати лет каждое утро начиналось для Веры очень рано. Она выходила из дому в четверть шестого и разносила газеты.

Вера никогда не стремилась к богатству. Ей хотелось только одного: любить и быть любимой – и постараться избежать серости и монотонной скуки. Она не строила амбициозных планов; все было очень просто. Вера надеялась: когда у нее будут дети, она сумеет научить их уважать мир вокруг них и сделает все возможное, чтобы детство у них было счастливее, чем у нее; она постарается вырастить их порядочными людьми.

Сейчас ей тридцать два года, и жизнь так же далека от ее скромного начала, как и от ее мечтаний. Она замужем за состоятельным пластическим хирургом, серьезным человеком, который во всем стремится к совершенству. Ее муж – настоящий перфекционист. Они живут в доме, величественном до нелепости. Вера понимает, что ей надо судьбу благодарить за такую жизнь, – так твердит ей мать. Но они с матерью всегда смотрели на вещи по-разному.

В местную аптеку Вера решила не ходить; она поехала в Берджесс-Хилл, близлежащий городок, где имелась большая сетевая аптека «Бутс».

Ожидая своей очереди у въезда на парковку, она смотрела на затянутое облаками небо. Оно почти физически давило на нее. Постучала ногтем по зубам; оказалось, ее слегка трясет. Нервы на пределе. Необъяснимый темный страх, бывший частью ее депрессии, наряду с упадком сил, никогда не отпускал ее надолго. Она была рада, что хранит капсулы прозака в шкафчике в ванной. Если бы они были сейчас с ней, в сумочке, она непременно приняла бы одну.

Перед ней стояла только одна машина; за рулем пожилая женщина. Она отъехала слишком далеко от парковочного автомата и теперь пыталась открыть дверцу, чтобы дотянуться до кнопки и получить талон. Вера взглянула на шкалу пробега: 8,2 мили. Она мысленно умножила цифру на два – прибавить обратный путь домой. Потом прибавила еще столько же – поездка вечером на станцию, чтобы сесть на поезд до Лондона, где у них с Россом ужин в обществе врачей: итого 32,8 мили, за которые необходимо отчитаться: Росс каждый день проверяет, какое расстояние она проехала и куда ездила.

Чтобы найти оправдание своей поездки для мужа, она заехала в универсам «Уэйтроуз» и купила овощей и фруктов. Так легче – лучше всего придумывать способы обходить мины и хитрые ловушки, которые Росс расставлял в ее повседневной жизни. Таким образом она обретала хоть какое-то спокойствие, по крайней мере в смутном сознании, если не в тревожных снах. Снах, в которых бесконечно повторялся один и тот же сюжет.

Когда их совместная с Россом жизнь начала меняться?

Можно ли нащупать точку в прошедших двенадцати годах, когда Росс – добрый, заботливый, веселый молодой врач-ординатор, которого она любила до смерти, – превратился в чудовище с отвратительным характером? Она со страхом ждет его возвращения домой. Может, он всегда был таким? А в те ранние, бурные дни ее ослепляли любовь к нему и стремление к роскошной жизни?

Или он умело маскировался?

И потом, почему некоторые вещи замечает только она? Почему ее мать и подруги ничего не видят? Впрочем, это понятно. Росс никогда не дает знакомым повода усомниться в своей непогрешимости; при желании он сумеет заморозить даже птичек на ветках. Несмотря на то что в течение двадцати лет медицинское сообщество было не в состоянии облегчить медленное, болезненное и недостойное умирание отца, мать по-прежнему благоговеет перед врачами. Росса она обожает; может быть, даже чуточку влюблена в него.

Иногда Вере казалось, что она сама во всем виновата. Может, она слишком много ожидала от мужа? Или вследствие депрессии склонна видеть только плохое и игнорировать хорошее? Ведь даже сейчас в их жизни иногда случаются счастливые минутки и хорошие дни, хотя в конце концов Росс обычно все портит своими взрывами или придирками. Вера очень надеялась на отпуск в Таиланде, как будто он был последней попыткой вернуться к прежним отношениям. Но в конце отпуска она поняла, что не испытывает по отношению к мужу никаких нежных чувств.

Есть некая граница, до которой можно дойти, но которую нельзя переходить. За незримой линией все меняется необратимо. Летчики называют воображаемую границу точкой невозврата: критический момент, когда самолет уже находится в конце взлетной полосы и отменить взлет нельзя, можно только взлетать. Взлет – или крушение. Именно в такой точке она находится сейчас. Вот куда толкнул ее Росс.

В те, прежние времена Вера так любила его, что позволяла ему буквально все. Она так верила в него, что вынесла целых шесть операций, терпела боль и дискомфорт; он преобразил ее из девушки с обычной внешностью в женщину незаурядной красоты. Отчасти его рвение было приятно и льстило ее самолюбию. Когда его карьера начала стремительно набирать высоту, Вере нравилось ездить с мужем на конференции, где он демонстрировал, как изменил ее губы, глаза, рот, нос, щеки, подбородок и грудь. По крайней мере хоть один плюс после двенадцати лет брака – ощутимый рост самооценки; Впрочем, сейчас ее самооценка опустилась почти до нуля.

Наверху, в мезонине, в комнате, куда они редко заходили, Вера держала книги и журнальные вырезки о проблемах семьи и брака. Она читала и перечитывала книгу «Мужчины с Марса, женщины с Венеры» и даже как бы невзначай пару раз оставляла ее на видном месте, надеясь, что Росс наткнется на книгу и прочтет ее. А недавно в Интернете она набрела на форум для жен, подвергающихся домашнему насилию. Она узнала много нового и полезного. И начала строить планы...

Жизнь можно наладить снова. Я обязательно придумаю, как все исправить, – ради Алека и ради меня самой.

Повинуясь внезапному порыву, она купила к завтрашнему ужину в супермаркете пару любимых Россом замороженных омаров, куриные крылышки в остром маринаде, к которым Алек пристрастился в Таиланде, и его любимое мороженое с кусочками хрустящей карамели, а маме две баночки со смесью «Амброзия» для рисового пудинга с изюмом – сегодня она сидит с внуком.

Ах, Росс, почему я до сих пор так стараюсь угодить тебе? Может, надеюсь купить себе несколько спокойных минут? Или я обманываю себя тем, что, если буду приветлива с тобой, ты отпустишь меня и позволишь забрать сына?

Вера свернула с дороги, проехала мимо огромных каменных колонн, увенчанных шарами. На колонне медная табличка: «Поместье Литл-Скейнз». Великолепный подъезд к елизаветинскому особняку – по аллее, обсаженной деревьями и кустами рододендрона, откуда открывается отличный вид на остроконечный, увитый плющом фасад. Сердце невольно екало от волнения всякий раз, когда она подъезжала к дому.

Поместье роскошное, вне всяких сомнений; прекрасно расположено – у подножия невысоких холмов Саут-Даунс. Десять спален, гостиная, библиотека, бильярдная, столовая, в которой свободно разместятся тридцать человек, кабинет, огромная кухня с дубовым деревянным полом и целая куча подсобных помещений. И все же ни одна комната – кроме, может быть, столовой – не казалась ей достаточно просторной, когда она оставалась в ней с Россом. Дом был относительно невелик для того, чтобы казаться по-настоящему уютным, и в то же время достаточно большой для того, чтобы произвести впечатление на коллег Росса, на приезжавших время от времени газетных репортеров или телевизионную съемочную бригаду.

Вокруг особняка – сад и парк; четырнадцать акров угодий. Раньше, когда здесь было настоящее поместье, в него входили и окрестные леса, и пахотные земли, но за двести лет предыдущие владельцы постепенно распродавали внешние постройки и участки земли. Впрочем, и того, что осталось, было более чем достаточно: красивые лужайки, фруктовый сад с яблонями, грушами, сливами и вишнями, пруд и густой лес, который не мешало бы проредить. Гости, приезжавшие на вечер или на выходные, считали поместье райским уголком.

Однако что-то мешало Вере чувствовать себя дома в своей тарелке; тяжесть усиливали узкие, обитые свинцовыми полосами окна со стеклами, которые снаружи казались черными; деревянная обшивка; невероятно большие, богато украшенные дымовые трубы, – по слухам, в одной из них замуровали женщину. Она была любовницей человека, построившего дом, и, если верить местным сплетням, слышно было, как она по ночам стучит в трубе, пытаясь выбраться наружу. Вера никогда не слышала ничего странного, хотя верила в привидения. Иногда ей казалось, будто она сама в некотором роде замурована здесь. Входя в пустой дом, пробегая по огромному мрачному коридору, слушая громкое тиканье напольных часов у подножия резной лестницы и вглядываясь в прорези шлемов рыцарских доспехов, которые коллекционировал Росс, она чувствовала, как мурашки бегут по коже.

Сегодня еще ничего. Сегодня среда, а по средам к ним приходит уборщица. Сверху, из какой-то спальни, доносилось завывание пылесоса. Вера была рада, что миссис Фогг в доме, но не меньше радовалась тому, что уборщица сейчас наверху: свою работу она делала превосходно, но могла болтать до бесконечности – главным образом о том, как череда несчастий довела ее до необходимости заниматься таким грязным делом; что она на самом деле вовсе не уборщица – что вы, она далека от этого!

Вера торопливо внесла покупки в кухню; не распаковывая их, достала из фирменного пакета аптеки «Бутс» тест на беременность и прочитала инструкцию. Она вынула из коробочки пластиковый стаканчик, пипетку и картонную полоску с пластиковым диском посередине, зашла в ванную на нижнем этаже и закрыла за собой дверь. Она помочилась в стаканчик. Затем набрала в пипетку немного мочи и, следуя инструкции, капнула пять капель на выступ в диске. Тошнота вернулась; ее бросило в жар, как будто немного поднялась температура. Если проявится красная полоска – результат отрицательный. Вера молилась, чтобы результат оказался отрицательным.

Она оглядывала ванную, избегая только циферблата наручных часов. Смотрела на граюры на стенах, изображающие лошадей, на старомодные медные краны над белоснежной раковиной, на изумрудную туалетную бумагу, на стопку журналов «Нэшнл джиографик» на полочке у унитаза. Заметив в углу паутину, сделала мысленную пометку: не забыть сказать миссис Фогг. Потом опустила голову и подняла полоску картона.

Для верности пришлось посмотреть дважды; потом она сверилась с инструкцией.

Отрицательно!

В центральном окошке на диске отчетливо проявилась красная полоска. Тошнота сразу прошла.

4

Сегодня внимание Оливера Кэбота отвлекали несколько вещей, но главным образом женщина за соседним столиком; она дважды встретила с ним взглядом. Вид у нее был скучающий; скорее всего, ей достались такие же занудные соседи, как и ему.

Он принял приглашение на ужин в Королевском медицинском обществе, устроенный фармацевтической фирмой «Бендикс Шер», хотя фирму, организовавшую ужин, он от всей души презирал. Однако ему было интересно идти в ногу со временем, быть в курсе последних достижений медицины и оставаться в рамках профессии, к которой он с каждым днем испытывал все больше недоверия. Женщина, сидевшая напротив за круглым столом на двенадцать человек, за батареей винных бутылок и кувшинов с водой, кого-то ему напоминала, только он не мог вспомнить кого. Длинные светлые волосы, умное лицо, скорее хорошенькое, чем классически красивое. Наконец до него дошло. Мег Райан!

– Знаете, Оливер, на разработку тизолгастрина ушло двенадцать лет. – Джонни Янг, вице-президент компании, заведующий отделом маркетинга в зарубежных странах, американец китайского происхождения с бруклинским выговором и щетинистыми волосами, запустил руку в вазочку с меренгами. – Исследования обошлись нам в шестьсот миллионов долларов. Согласитесь, не много компаний способны выложить такую кучу бабок на науку!

Тизолгастрин объявили революционным лекарством от язвы. Недавно Всемирное бюро по медицинской этике включило его в список ста самых важных достижений медицины двадцатого века. Однако немногим было известно, что Всемирное бюро по медицинской этике целиком финансировалось компанией «Бендикс Шер».

– Вам не нужно было тратить так много денег, – заметил Оливер.

– Как так?

Криво улыбнувшись, Оливер сказал:

– Вы не открыли тизолгастрин, вы его содрали. Вы начали продвигать его только после того, как потратили четыреста миллионов долларов, пытаясь похоронить идею лечить язву антибиотиками. Уж меня-то вам не провести.

«Мег Райан» слушала тощего лысого субъекта, который что-то горячо ей втолковывал, и кивала. Ее выражение лица и жесты подсказали Кэботу: сосед ее абсолютно не занимает. Интересно, о чем они разговаривают. Незнакомка снова посмотрела на него и тут же отвела глаза.

– При нормальном разгоне – при обычном разгончике, понимаете? – она выжимает двести восемьдесят пять «лошадок». Но я скажу вам, что я сделал: отвез головки в одну фирму в Таксоне; там их отполировали, сняли лишние две ты...

Вере пришлось взглянуть на карточку, лежавшую рядом с прибором, чтобы вспомнить имя своего соседа по столу. Дайтон Карвер, вице-президент по маркетингу. Последние пятнадцать минут он рассуждал о моторах, а до этого рассказывал о своем разводе, о новой жене, о бывшей жене, о своих троих детях, своем доме, своей яхте – столько-то кубических дюймов тестостерона и рева – и своей программе занятий спортом. Он не задал Вере ни единого вопроса о ней самой. Второй сосед, представляясь, энергично тряхнул ей руку и углубился в беседу с женщиной, сидевшей справа от него. Они были поглощены разговором все пять перемен блюд.

Перед Верой на тарелке лежал нетронутый десерт. Утренняя тошнота вернулась; за ужином она почти ничего не съела. Такие официальные мероприятия Росс обожал, а Вера ненавидела. Ей нравилось общаться с некоторыми врачами, но в большинстве своем они казались членами элитного клуба, в котором Вера чувствовала себя чужой.

Росса, сына скромного клерка газовой компании, а сейчас знаменитого пластического хирурга, уважали и ублажали благодаря его профессии. Его имя было напечатано с левой стороны меню – напротив бараньих тефтелей в луковом желе, «Батар-Монраше» урожая девяносто третьего года и «Лангоа-Бартон» восемьдесят шестого. Росс попал в один список с личным гинекологом королевы и многими другими выдающимися врачами. Он был почетным гостем: Росс Рансом, магистр естественных наук, член Королевского хирургического колледжа (отделение пластической хирургии).

Несмотря ни на что, Вере приятно было видеть его имя и фамилию на обложке меню. Она тоже внесла свой скромный вклад в его успех. По настоянию Росса она брала уроки ораторского искусства и дикции; в результате ее простоватый выговор жительницы лондонского пригорода сменился более рафинированной речью. Много лет она старательно читала книги по спискам, которые составлял для нее Росс: классику, великих поэтов, Шекспира, основных философов, древнюю и современную историю. Временами она казалась себе Элизой Дулитл из «Моей прекрасной леди» – или, как предпочитал говорить Росс, из «Пигмалиона» Шоу (кстати, эта книга тоже была в списке). Росс хотел, чтобы его жена непринужденно чувствовала себя на любом званом ужине.

Много раз Вера втайне задавалась вопросом: и за что он в нее влюбился? Он изменил ее лицо, грудь, голос; он заново образовал ее. Иногда ей казалось, что дело именно в этом: Росса привлекла ее податливость. Возможно, он видит в ней *tabula rasa*, чистую доску, которую он способен преобразовать в совершенную женщину. Возможно, именно это и требуется сидящему внутри его монстру.

Сейчас он наблюдает за ней; он сидит наискосок от нее, за большим круглым столом, рядом с человеком с ровным загаром и идеальными зубами. Сосед оживленно беседует с Россом, подкрепляя слова энергичными рубящими движениями ребра ладони. Справа от Росса сидит женщина с пышными обесцвеченными волосами; судя по всему, она слишком увлекается круговыми подтяжками лица. Кажется, что ее кожа презрела законы земного притяжения: мышцы натянуты; безумный, остановившийся взгляд, а губы растянуты в вечной невеселой улыбке. Вера подумала: к таким дамам Росс не может испытывать ничего другого, кроме профессионального интереса.

Бедняжка.

Оглядывая зал в поисках знакомых лиц, Вера увидела, что мужчина, который наблюдал за ней раньше, снова смотрит на нее. Она бросила взгляд на Росса, но тот был поглощен беседой. Она посмотрела на незнакомца. Когда их взгляды встретились, мужчина улыбнулся. Польщенная, Вера отвела глаза в сторону. Она вдруг заволновалась, как маленькая, и с трудом подавила виноватую улыбку. Прошло очень много времени с тех пор, как она с кем-то флиртowała и ей было хорошо. Радость омрачали лишь тень Росса и страх его злобы, которую он, если заметит что-нибудь, обрушит на нее позже.

Она снова посмотрела на незнакомца; он не отводил взгляда. На этот раз она торопливо опустила глаза, понимая, что покраснела.

– А потом я вот что сделал: поменял всю начинку – подвеску, амортизаторы, тормоза... В общем, все заменили, и теперь у нее внутренности как у гоночной...

Вера снова отключилась от рассказа соседа и искоса посмотрела на столик, за которым сидел ее поклонник. Тот углубился в разговор с азиатом слева от себя, и у нее появилась возможность разглядеть его. Примерно того же возраста, что и Росс, – от сорока пяти до сорока восьми. Что-то выделяет его из толпы, отличает от остальных – но пока Вера не могла понять, что именно.

Хорошая осанка, высокий, стройный. Круглые очки в тонкой проволочной оправе; лицо под гривой седых кудрей серьезное и умное. Галстук-бабочка у него чуть больше и не такой

идеальный, как аккуратные маленькие черные атласные бабочки, которые казались здесь униформой. Из-за галстука вид у него был немного безрассудный и дерзкий.

«Кто ты такой? – подумала Вера. – Ты мне очень нравишься».

Он вполне может оказаться ученым – может быть, трудится в аналитическом отделе исследований фармацевтической компании, которая устроила ужин.

От размышлений ее отвлек стук молоточка. Тамада, облаченный в ливрею, произнес:

– Дамы и господа, прошу встать. Тост за здоровье ее величества!

Когда все сели, Росс вытащил из внутреннего нагрудного кармана цилиндрическую трубку, отвинтил крышку и вытащил большую гаванскую сигару. Теперь он наблюдал за женой с сухой, натянутой улыбкой, говорившей: «Я вижу, как ты на него смотришь, солнышко. Я вижу, как ты на него смотришь».

5

Дом был двухквартирным, с металлической пожарной лестницей сзади, выйти на нее можно было из двери кухни квартиры на первом этаже.

Мальчик взобрался по пожарной лестнице, с трудом удерживая в руке тяжелую канистру с бензином. Его было не слышно благодаря резиновым подошвам. Он был высоким для одиннадцати лет, и незнакомые люди всегда считали его старше. Сторонний наблюдатель вполне мог счесть его и за шестнадцатилетнего подростка. Мальчик был уверен: в одиннадцать вечера никто не обратит внимания на шестнадцатилетнего паренька, который катается на велосипеде по тихим улочкам в южной части Лондона. И канистру с бензином, примотанную веревкой к туловищу под курткой, тоже никто не заметит.

В ушах все звучали нехитрые слова песни «Лав ми ду» новой группы «Битлз» – этих ребят все время показывали по телику. До него доносились крики и смех. Видимо, где-то по соседству устроили шумную вечеринку. Слушая слова припева, мальчик чувствовал, как в нем крепнет ненависть.

Два часа назад отец вошел к нему и пожелал спокойной ночи; прошел час, и мальчик услышал, как тот направился к себе в спальню. Выждав еще полчаса, мальчик вылез в окно и спустился вниз по водосточной трубе. Скоро он вернется тем же путем.

Он разрабатывал свой план несколько месяцев; продумал все до мелочей, вплоть до инструментов для ремонта велосипеда на случай прокола шины, запасных лампочек для фар (и то и другое, завернутое в бумагу, лежит в его велосипедной сумке). Не забыл он и резиновые перчатки – их он сейчас наденет. Зрение у него острое, а еще он обладает способностью подмечать любую мелочь. Кроме того, и руки у него ловкие. После долгих тренировок ему удалось уложить простыни и подушку так, что казалось, будто он лежит в постели и спит. Свою конструкцию мальчик украсил сверху париком, купленным в магазине веселых розыгрышей; он заранее постриг и покрасил парик, чтобы было больше похоже на его голову.

Мальчик сотни раз ездил от дома сюда на велосипеде, засекая время. Он придумал, что сказать, если его остановит полиция; в голове крутились имя и адрес, какие он назовет в случае необходимости. Пришлось дожидаться удобного случая – ночь должна быть безлунной, но в то же время и без дождя. В дождь сам не заметишь, как наследишь и оставишь ненужные отпечатки пальцев.

Вчера он долго не мог заснуть; ворочаясь в постели, представлял себе всякие сбои и непредвиденные помехи, сильно нервничал. Но сейчас, добравшись до места, он успокоился. На душе полегчало.

Сколько он себя помнил, в жизни не чувствовал себя лучше.

6

Без четверти час ночи Оливер Кэбот сидел за письменным столом, переделанным из двери разрушенного индийского храма. Его квартира располагалась в мансарде, в бывшей студии художника, в окрестностях Портобелло-роуд.

Он смотрел на экран своего компьютера «Мак» с терпеливым выражением на лице: он был опытным путешественником по киберпространству. Маленькая цветная фотография Росса Рансома загружалась медленно и словно бы нехотя – дюйм за дюймом.

Почти готово. Оливер навел на снимок курсор и щелкнул мышью. На экране возникла голова хирурга. Что-то было у него за спиной – похоже, книжные стеллажи.

Оливер зевнул. Гул компьютерного вентилятора в ночной тиши напомнил ему рев двигателей авиалайнера. С фотографии в черепаховой рамке на столе, под старинной бронзовой лампой, улыбался Джейк.

Веснушчатый Джейк с каштановой челкой и щербатой улыбкой – два молочных зуба унесла Зубная фея, а коренным вырасти было не суждено.

Джейк навечно остался на снимке таким – замороженным во времени; Оливер сфотографировал его, когда он выбегал из парадной двери их дома на берегу океана в квартале Венеция в Санта-Монике, откуда открывался вид на канал и где пованивало нечистотами. Джейк на своем новеньком горном велосипеде... Он не представляет, какой ужас обрушится на него всего пять дней спустя.

К горлу подступил ком; так бывало всегда, когда он позволял себе предаться воспоминаниям. Оливер снова взглянул на монитор, передвинул курсор, прокрутил снимок вниз. Теперь он видел фотографию Росса Рансома целиком; к его разочарованию, больше никого на снимке не было. Не было Веры Рансом.

«Эх ты, мозгоправ дерьмовый, – подумал он. – Какому еще унылому ублюдку придет охота ночью бродить по Интернету в поисках фотографии чужой жены? Ты ведь с ней даже незнаком!»

Такой унылый ублюдок существует – он сам, Оливер Кэбот.

7

В машине молчание. Росс ведет быстро. Впереди петляет темная дорога, которую иногда прорезают яркие лучи света. Но чаще впереди и сзади никого нет. В салоне звучит Брамс; скрипки выводят грустную мелодию, как будто скоро случится что-то плохое. Салон щегольского «астон-мартина» пропах дорогой кожей и сигарным дымом.

Отец Веры тоже курил сигары; запах сигар всегда напоминал Вере об отце и об их маленькой квартирке в доме на две семьи. Однажды у отца отказали руки; она тогда сидела у его кровати, а он упрямо сжимал губами мокрый окурочек и, глядя на нее с жалкой улыбкой, говорил:

– Хорошо, что у меня еще открывается рот; по крайней мере, я могу поблагодарить Господа за то, что Он меня создал.

Вера вернулась мыслями к тому человеку – незнакомцу. Они случайно столкнулись у бара после того, как закончились речи. Он был один. Вере достаточно было сделать всего четыре шага, и она оказалась бы прямо перед ним. Росса поблизости не было; он остался сидеть за столом, увлеченный важным разговором. Всего четыре шага. Но вместо того чтобы подойти к незнакомцу, Вера затеяла беседу с Фелисити Берд, женой гинеколога, знакомого Росса. Фелисити нравилась Вере, в отличие от большинства жен врачей. Потом к ней подошел Росс и заявил, что хочет ехать домой, так как завтра ему рано вставать.

– Я тебя видел, – спокойно заметил он.

– Ну и что?

Снова молчание. Только скрипки и ночь. Они проехали указатель «Брайтон». Восемнадцать миль. Вера прекрасно поняла, что муж имеет в виду. Бессмысленно что-либо отрицать, спорить, вступать в пустые пререкания. Несмотря на внешнюю невозмутимость, Росс внутри кипит от злости. Пусть переберется, решила Вера. Может, к тому времени, как они приедут домой, он так утомится, что не станет устраивать скандал. Сейчас она слишком плохо себя чувствует, чтобы ссориться.

Она подумала об Алеке: сынишка, наверное, давно сладко спит. За него не приходится беспокоиться; он обожает бабушку, которая его балует. Мама любит оставаться у них на ночь. Росс отвел ей в их доме настоящие апартаменты, несколько комнат. Сама мама, скорее всего, сейчас бодрствует; сидит перед огромным – с диагональю шестьдесят дюймов – телевизором, курит одну сигарету за другой и смотрит кино посреди ночи... Так же было и в Верином детстве, когда мама составляла компанию прикованному к постели мужу, которого мучила бессонница.

Из книг, журнальных статей и разговоров со знакомыми Вера усвоила, что тещи редко ладят с зятьями. Но ее мать и Россладили с самого начала, и Росс всегда был добр к ней – и к отцу Веры в последние годы его жизни. В том-то и трудность: Вера не могла жаловаться маме на свои семейные неурядицы. Мать всегда отвечала: у всех случаются размолвки, взлеты и падения, а ей, Вере, нужно Бога благодарить за такого мужа. Перепады же настроения Росса и необъяснимые приступы ярости наверняка являются следствием стресса. У него очень тяжелая работа, и потом – высокое положение в обществе...

Двадцать минут первого. Вера снова вспомнила о незнакомце за ужином. Интересно, как ей жилось бы с другим мужчиной, с другим мужем? Как ей вырваться из хватки Росса? И как быть с Алеком?..

Неожиданно изнутри подступила тошнота.

– Стой! Росс, скорее останови!

Ей показалось, что салон машины сжимается, давит на нее. Прижав руку ко рту, она успела подумать только: «Не здесь... не испачкать машину...»

Они резко затормозили у обочины. Вера отстегнула ремень безопасности, нащупала дверную ручку и, спотыкаясь, выбралась наружу. Лицо обдало холодом. Она упала на колени прямо на дорогу, и ее вырвало.

Прошло несколько секунд. Рука Росса у нее на лбу.

– Детка, милая, все хорошо, родная, все в порядке.

Лицо покрылось испариной. Снова тошнит... Ее опять вырвало. Росс крепко прижал ладонь к ее лбу – так делала мама в детстве, – уверенно поддерживая и вытирая ей губы своим платком.

Потом он отвел ее в машину, усадил на сиденье, откинул спинку назад, включил печку.

– Наверное, это все коктейль из морепродуктов, – заявил Росс. – Или креветки в кляре. Отравление морепродуктами сказывается через несколько часов.

Вера хотела сказать мужу, что он ошибается, ей уже несколько дней плохо и он знает об этом. Но боялась, что ее снова вырвет. Она откинула голову назад. Ее окружала темнота; только огни пролетали мимо. В салоне тоже мерцали какие-то огоньки. В контактных линзах было неудобно – Вере показалось, что они запотели. Она смутно сознавала, что едет в машине; шины шуршали то по асфальту, то по гравия. Иногда они останавливались или поворачивали. Они все ближе и ближе к дому.

К стакану воды.

Она сидела за широким сосновым столом. За окном лаял Распутин. Наверное, гоняется за кроликом в парке. Росс позвал пса в дом. Часы на стене кухни показывали десять минут второго.

По полу мягко зашлепали собачьи лапы; подойдя к хозяйке, Распутин положил морду ей на колени.

– Привет, сладкий песик. Как ты?

Она погладила пса по шелковистой шерсти; тот поднял морду и выжидающе посмотрел на хозяйку большими глазами. Потом легонько ткнулся в Веру носом. Улыбнувшись, она спросила:

– Хочешь печеньица?

Отодвинув голову Распутина, Вера достала печенье из кухонного шкафчика, скомандовала псу: «Сидеть!» – и сунула ему лакомство. Пока пес радостно грыз печенье, она подошла к раковине и прополоскала рот водой, стараясь избавиться от кислого привкуса рвоты.

Щелкнул замок; несколько секунд спустя звякнула цепочка – Росс запирает двери на ночь. Он подошел сзади, положил руки ей на плечи и потерся носом о ее шею.

– Алек сладко спит. Ну как ты?

– Немного лучше, спасибо.

– Таблетки подействовали?

– Да, наверное. Что ты мне дал?

– Кое-что от нервов.

Веру передернуло. Почему муж упорно отказывается говорить, какие лекарства он ей дает? Как будто она ребенок.

Росс опустился на колени, заглянул ей в глаза, заставил ее высунуть язык и осмотрел его, тревожно хмурясь.

– Что там у меня?

– Ничего. – Он улыбнулся. – В постель! Но сначала я хочу кое-что тебе показать – это недолго.

Несмотря на улыбку, Вера угадала, что мужу слегка не по себе.

– Что там такое с моим языком?

Немного помявшись, Росс уверенным голосом заявил:

– Беспокоиться совершенно не о чем.

Прихватив с кухонного стола косметичку, Вера пошла по коридору следом за Россом. На стенах были развешены гравюры с изображением исторической военной формы. Между гравюрами в скобах были закреплены щиты и мечи. Росс толкнул дверь своего кабинета. Вере стало значительно лучше, но от чего – от рвоты или от таблеток, – она не знала. И сон как рукой сняло.

Росс подошел к компьютеру, пробежал пальцами по клавиатуре, и монитор ожил. Потом он включил настольную лампу, открыл свой кейс, вытащил оттуда диск и вставил в дисковод. Когда-то Вере нравилась мужская, серьезная атмосфера его кабинета, но сейчас ей было не по себе – как нашкодившему школьнику в кабинете директора.

Безупречно чисто – нигде ни единого пятнышка; мягкие кожаные диван и кресла. На стенах – красивые викторианские морские пейзажи, на постаменте – бюст Сократа; стеллажи уставлены медицинской литературой и периодикой. Росс работал за красивой антикварной ореховой конторкой, которую она сама ему купила вскоре после того, как они сюда переехали. Покупка конторки сделала крупную брешь в ее накоплениях – ей удалось немного отложить за то недолгое время, пока она занималась ресторанно-банкетным обслуживанием.

По настоянию Росса перед свадьбой, двенадцать лет назад, Вера стала домохозяйкой, несмотря на то что работать ей нравилось. После того как она закончила колледж и получила диплом специалиста по кейтерингу, она даже основала небольшую собственную фирму – они с командой по большей части доставляли готовые обеды в офисы. В первое время после свадьбы молодая жена с головой ушла в домашнее хозяйство. Вера думала: когда все наконец устроится, она сможет достичь желанной цели – закончить университет и стать дипломированным специалистом в области общественного питания.

Но Росс не разрешил ей ни продолжать учебу, ни работать неполный день. Разумеется, он мотивировал свой отказ тем, что не хочет, чтобы его жена изнуряла себя учебой или работой. Теперь-то Вера понимала: Росс просто хотел, чтобы она сидела дома. Тогда он всегда будет знать, где она находится.

Лишенная возможности работать, Вера вела активную общественную жизнь. Соседняя деревушка Литл-Скейнз состояла из нескольких улочек, застроенных викторианскими коттеджами. Изначально в них селились железнодорожные рабочие, прокладывавшие ветку Лондон – Брайтон; кроме того, в Литл-Скейнз имелось несколько более современных домов и бунгало, а также норманнская церковь, в которой сохранилось несколько старинных фресок, почти превратившихся в труху. Зато там процветала колония жуков-могильщиков. У настоятеля были искусственные зубы, и когда он обращался к своим малочисленным прихожанам, зубы зловеще клацали. Магазины в Литл-Скейнз нет, а единственный паб закрылся в 1874 году, после того как дорогу Льюис – Лондон передвинули на три мили южнее. Овощи и фрукты можно купить, проехав мили две; деревенская лавка постоянно на грани закрытия из-за того, что в ближайшем городке открылся крупный супермаркет. Вера входила в состав комитета по спасению местной лавки, как и все остальные, подавляя угрызения совести, в местной лавке покупала только товары первой необходимости.

Несмотря на крошечные размеры Литл-Скейнз, политическая жизнь в деревне буквально кипела. Деревню населяла целая армия седовласых активисток в твидовых юбках и туфлях на толстой подошве. У Веры сложилось впечатление: сельские жители проводят время, либо пытаясь что-то спасти, либо препятствуя техническому прогрессу. С тех самых пор, как они сюда переехали десять лет назад, она стала участницей множества подобных начинаний; отчасти потому, что ей хотелось внести свой вклад в жизнь местного общества и подружиться с соседями, а отчасти потому, что ей всегда было трудно кому-то отказать.

Сейчас, в дополнение к комитету по спасению местной лавки, Вера состояла в обществах по спасению: церковной крыши, местной библиотеки, древней березовой рощи, которую

собирались срубить под застройку, и общественной пешеходной тропинки, перегороженной много лет назад одним упрямым фермером. Кроме того, она принимала активное участие в работе местного отделения Национального общества защиты детей от жестокого обращения. Она также способствовала предотвращению модернизации старого амбара на краю деревни, входила в комитет против строительства новой обходной дороги, в комитет против строительства еще одного гольф-клуба и в комитет против слияния их приходского церковного совета с соседним.

Однако больше всего удовлетворения приносило воспоминание о конкретном добром деле: они помогли собрать свыше пятидесяти тысяч фунтов и отправить больную лейкемией девочку, дочь местного пастуха, на операцию в Америку – тут Росс нажал на нужные рычаги. Операция спасла пятилетней крошке жизнь.

На экране появилось ее лицо. Через секунду оно сменилось другой фотографией, в профиль.

– Вот как ты выглядишь сейчас, – сказал Росс.

Вера зевнула – внезапно навалилась усталость. Интересно, когда она фотографировалась? Увидев фон, она вспомнила: на пляже у отеля в Пхукете, три недели назад.

Росс увеличил ее нос, провел пальцем по экрану.

– Операция пустяковая, всего несколько дней дискомфорта – а потом... – Он нажал на клавишу; ее лицо исчезло, а потом появилось снова – в профиль, уже с новым носом.

Несмотря на то что она ожидала нечто подобное, уловив намеки в шутках Росса, которые он отпускал уже несколько дней, ее возмутили намерения мужа – особенно сейчас, когда ей нехорошо. Впрочем, именно поэтому Росс и решил поделиться с ней своими планами безотлагательно. Сейчас у нее просто нет сил возражать и спорить.

– Росс, почему нельзя обсудить это утром? Я так устала!

– На следующий понедельник я заказал операцию. Твоя мать может взять Алека...

– Нет. – Вера покачала головой. – Я уже говорила тебе: не хочу больше операций.

Злость, медленно вскипавшая в нем с самого ужина, начала прорываться наружу.

– Вера, ты хоть отдаешь себе отчет, сколько женщин отдали бы свою правую руку за то, что ты получаешь бесплатно?

Ядовито улыбнувшись, она протянула ему правую руку:

– Ну, отрежь ее – ты ведь уже срезал лишнее почти со всех частей моего тела!

– Не валяй дурака.

– Я и не валяю. Если я не нравлюсь тебе такой, какая есть, тогда женись на ком-нибудь другом.

На лице Росса отразилась обида, и Вера невольно ощутила угрызения совести, но тут же разозлилась на себя: она опять позволяет ему играть на ее чувствах. Росс, как хороший актер, любит держать публику в напряжении. Он много лет манипулировал ею, а она ему верила... Но больше не будет!

– Милая, – продолжал он, – все пластические хирурги оперируют своих жен. Черт побери, ты лучшее доказательство моих достижений. Люди смотрят на тебя и видят совершенство. Они думают: «Посмотрите-ка на жену того парня, – должно быть, он прекрасно умеет делать свое дело!»

– Значит, я для тебя всего лишь наглядное пособие? Вот как ты ко мне относишься? Я пособие?!

Вид у Росса сделался еще более обиженный.

– Любимая, ты сама всегда уверяла меня, что тебе не нравится твое лицо. Тебя не устраивал безвольный подбородок, ты хотела скулы повыше... Я выполнил все твои пожелания – и в результате ты выглядишь потрясающе! Ты это знаешь, ты сама мне говорила.

– А как же грудь?

– Я ничего от нее не отрезал. Наоборот, кое-что добавил.

– Потому что моя грудь была недостаточно большой для тебя.

Он подошел ближе:

– Слушай! – Голос его зловеще повысился. – Не забывай: ты была никем, обыкновенной, ничем не примечательной девушкой. Я разглядел твои скрытые возможности. Я превратил тебя в красавицу! Мы с тобой поспособствовали успеху друг друга. Я помогаю тебе, ты помогаешь моей карьере своей внешностью, своим характером, своим...

– Так почему ты не оставил меня такой, какая я была, раз ты не выносишь, когда на меня glareют другие мужчины? Почему ты не оставил меня гадким утенком?

Росса трясло мелкой дрожью. Он впился в нее взглядом; хотя раньше он никогда не бил ее, Вере показалось, что он сейчас способен ее ударить.

– Ты не просто пилилась на того мужика за ужином. Он буквально трахал тебя взглядом.

Она отвернулась:

– Не валяй дурака. Я иду спать.

Росс так сильно схватил ее за плечи, что она вскрикнула от боли. Косметичка упала на пол; из нее вывалились помада и пудра.

– Я с тобой разговариваю!

Вера опустилась на колени и принялась подбирать рассыпавшуюся косметику.

– А я сегодня больше не хочу с тобой разговаривать. Мне плохо, и я иду спать.

Когда она стояла на площадке второго этажа, Росс крикнул снизу:

– Вера, я...

Но она его почти не слышала; снова подступила тошнота. Она попыталась облокотиться о перила, но поскользнулась и, оступившись, полетела вперед.

Росс поймал ее. Вера хотела отстраниться, но он держал ее осторожно, а в голосе слышалась нежность.

– Извини, я не собирался орать на тебя. Ты просто не представляешь, как много ты для меня значишь. Вера, я люблю тебя больше жизни! Ты для меня все. Ты и Алек. Пока я не встретил тебя, я не знал, что такое любовь и нежность. Иногда со мной нелегко, но это потому, что я слишком тебя люблю. Понимаешь?

Вера смотрела на мужа невидящим взглядом. Сколько раз она уже слышала подобные речи... Да, он не врет. Он на самом деле любит ее... по-своему. Но его слова давно уже на нее не действуют.

– Знаешь, как я пугаюсь, когда ты плохо себя чувствуешь? Я хочу, чтобы ты сходила к врачу. Завтра же с утра велю Люсинде записать тебя на прием к Джулсу.

Люсинда была секретаршей Росса, а Джулс Риттерман – их семейным врачом. Росс знал его с тех пор, как слушал его лекции на медицинском факультете. Вере Джулс не нравился, но сейчас от слабости она просто не в состоянии была спорить. Ей хотелось одного: лечь, заснуть.

– Со мной все будет в порядке, – сказала она.

– Я хочу, чтобы ты сходила к Джулсу.

– Все будет хорошо. Просто я не пришла в себя после смены часовых поясов – после перелета из Таиланда.

– Тебя тошнит уже неделю, и приступы рвоты не прекращаются. Может, в Таиланде ты подхватила какую-нибудь инфекцию, а если так, ее нужно лечить как можно раньше. Понимаешь?

Войдя в спальню, Вера села на край кровати, вынула линзы, поместила их в контейнер с раствором и облегченно вздохнула. Росс нависал над ней, и она насторожилась. Но буря миновала, и ее муж снова стал нежным и заботливым.

– Понимаешь? – настойчиво повторял он.

Вера задумалась. Визит к Джулсу означал новую поездку в Лондон. Кстати, у Росса через несколько недель день рождения; значит, заодно она сможет купить ему подарок.

– Ладно, – нехотя проговорила она.

– И потом, – он обнял ее и притянул к себе, – нам нужно привести тебя в порядок до операции.

8

Утро 13 мая, 6:05. Через пять недель наступит самый длинный день в году – и все же погода сейчас больше соответствует февралю. В новостях сказали, что ночью в северных районах кое-где выпал снег.

Оливер Кэбот – в тренировочном костюме, перчатках и кроссовках – отпер замок, снял цепочку с темно-красного «сарацина» и, поеживаясь, выкатил велосипед из общей кладовой. Из-за влажности казалось, будто холод проникает под кожу и съедает все природное тепло. После Южной Калифорнии он до сих пор не привык к здешнему климату – и вряд ли когда-нибудь привыкнет.

Он надел шлем, сел в седло, перевел счетчик на ноль и начал крутить педали. На Порт-обелло-роуд, тихой и пустой по выходным, он набрал скорость. В конце улицы свернул влево, на Лэдброук-Гроув.

На ветру лицо словно покрылось ледяной коркой; Оливер все быстрее нажимал на педали, надеясь согреться. Несмотря на холод, он полюбил Лондон в ранние утренние часы. Как здорово мчаться по пустынным улицам большого города! Оливеру нравилось разглядывать машины, которые моют улицы, мальчишек – разносчиков газет, молочников и случайных прохожих. Иногда у подъезда какого-нибудь дома останавливалось такси и оттуда выходила женщина в вечернем платье – бледная, растрепанная, сонная...

Сегодня улица казалась еще пустынее, чем всегда. Мимо проехала пара машин; затем прогремело такси. Пассажира на заднем сиденье не видно – лишь смутный силуэт. В голову пришла строчка стихотворения о Лондоне; кто его написал? Оливер забыл. Том Ганн?

Безразличен к безразлично, постигнутому тебя...

Он продолжал быстро крутить педали. Безымянный мир, мимо которого он проезжал, оставался для него таким же безразличным, как всегда. Но сегодня в нем что-то переменялось. Воспоминание о вчерашнем ужине и той женщине... Вере Рансом. Как она бросала на него взгляды издалека... В ее глазах не было равнодушия. Они были...

Она замужем, Оливер Кэбот! Выкинь ее из головы, приятель.

Он ехал по красивым улочкам, застроенным домиками с отдельными входами. Свернул на Бэйсуотер-роуд; въехал в Гайд-парк и направился к Серпентайну. Неспешно покатил вдоль берега, любуясь на уток и отражения деревьев в воде.

В дни, недели, месяцы, следовавшие сразу после смерти Джейка, он рано выходил из дому и бегал вдоль каналов в калифорнийской Венеции – или по пляжу, вдоль океана. Он бегал до восхода солнца, отмеряя расстояние спасательными вышками; они вырастали в полумраке, как сторожевые посты в концлагере.

Вот как он тогда себя чувствовал. Заключение в собственной жизни. Заключение в собственных мыслях.

Каждое утро он просыпался, потому что сон уходил, и он оказывался наедине с реальностью – ему предстояло жить в мире, из которого вырвали Джейка. Его вырвали из его жизни. Из их жизни...

Теперь, восемь лет спустя, парализующая боль и горе ушли, но остались тоска и чувство беспомощности; все кругом напоминало о сыне. Вот еще одна причина, почему ему нравится раннее утро: он специально выходит пораньше, чтобы не видеть других детей.

Стало чуть теплее.

Вера Рансом. Мне нравится твое имя. Вера. Что-то подсказывает мне: ты несчастлива в семейной жизни, Вера! Ты явно флиртowała со мной вчера вечером. На твоём лице проступали безнадежность и отчаяние. Такое красивое лицо – и такое отчаяние...

Оливер спешился, прислонил велосипед к дереву и прошел несколько шагов к своему обычному месту – за пышным лавровым кустом. У противоположного берега в ровной глади воды отражались кроны деревьев.

В голове повторялись три слова – как молчаливая мантра: *Человек. Земля. Небо*. Он стоял тихо и неподвижно, как дерево, впуская в себя ци, жизненную энергию космоса. Но, даже войдя в состояние медитации, он думал только об одном человеке.

В чем ты так отчаялась, Вера?

Увижу ли я тебя еще когда-нибудь?

9

Вера лежала на жесткой кушетке за ширмой в процедурном кабинете на Уимпол-стрит. Жгут врезался в предплечье. Вот игла касается кожи... протыкает ее. Вера отвернулась. Когда игла вошла в ее плоть, она дернулась. Больно – как будто игла проткнула кость. Постепенно боль притупилась. Скосив глаза, Вера следила за тем, как шприц заполняется алой кровью.

Два лица, склоненные над ней, сосредоточенны и суровы. Сестра доктора Риттермана, неприятная особа лет пятидесяти, и сам доктор Риттерман.

– Вот и все, Вера, – сказал он, выходя за ширму. – Можете одеваться.

Через несколько минут Джулс Риттерман, сидящий за огромным письменным столом размером с маленькое княжество, уже изучал ее медицинскую карту. Серьезный невысокий человек лет шестидесяти; кожа на лице словно старый пергамент, испещренный глубокими горизонтальными складками и более мелкими морщинами. Он похож на умную черепаху. Серый костюм в полоску, волнистые волосы, немодные большие очки – он вполне мог бы сойти за общественного бухгалтера или юриста, если бы не чрезмерно яркая, оранжево-розовая рубашка и галстук-бабочка цвета раздавленной лягушки.

Сидя в кресле для пациентов, Вера рассматривала невыразительные стены и алебастровую полку над камином. За окном – серая пелена дождя. Если верить Россу, Джулс Риттерман – лучший в Лондоне врач общего профиля. Он является семейным врачом всех знаменитостей, всех, кто что-нибудь значит. Как типично для ее мужа яростное стремление оторваться от своих скромных корней! Он долго обхаживал нужного человека и наконец подружился с ним.

Вера подумала: наверное, и сам Риттерман тоже начинал с нуля. Может быть, он был сыном нищих еврейских эмигрантов; он сделал карьеру благодаря упорству, таланту и силе духа. Вере доктор Риттерман никогда не нравился – ни он, ни его сухая и холодная, под стать мужу, жена. Но она понимала, почему Риттерман симпатичен Россу. И потом, чтобы заполучить выгодную клиентуру, надо действительно быть первоклассным врачом. Жаль только, что с ним нельзя поговорить. Всякий раз, когда она пыталась критиковать Риттермана при Россе, муж впадал в ярость. В его глазах Риттерман был непогрешим; Росс искренне не понимал, почему Вера хочет перейти к другому, пусть и не такому блестящему, врачу.

Риттерман положил локти на стол и подался вперед:

– Ну что ж, Вера, по-моему, волноваться вам не о чем. Возможно, вы подцепили какую-нибудь заразу во время путешествия в Таиланд. Вот в чем опасность подобных поездок. В экзотических странах можно подхватить инфекцию, с которой не справляется наша иммунная система. Может быть, все пройдет само собой. Но я взял у вас все необходимые анализы крови и мочи – просто для того, чтобы убедиться наверняка. Если там что-то выявится, я скажу Россу.

– Почему Россу, а не мне?

Пожалуй, вопрос прозвучал резковато. С Риттерманом всегда так, он обращается с ней как со школьницей.

– Вам не кажется, что вам крупно повезло: ваш муж способен объяснять вам все медицинские тонкости.

– Вообще-то, мне так не кажется, – возразила Вера. – Я предпочла бы, чтобы вы рассказывали о моем состоянии непосредственно мне.

Риттерман лучезарно улыбнулся, но улыбка не означала согласия. Упрямство доктора взбесило Веру, но она промолчала. С Риттерманом всегда так! Даже когда они хотели завести ребенка и анализ показал, что она беременна Алеком, Риттерман позвонил Россу, а не ей.

– Я вас довольно давно не видел. Если не считать тошноты, как вы себя чувствуете?

– Вы имеете в виду мою депрессию? Гораздо лучше. Я уже месяц не принимаю прозак.

По выражению его лица невозможно было понять, одобряет он ее или нет.

– И как ваше самочувствие в целом?

– Вы имеете в виду – отношение к жизни?

– В общем, да.

– Ну... кажется... получше.

– Я бы не возражал, если бы вы принимали прозак и дольше, раз он оказывает на вас положительное влияние. Это лекарство...

– Я прекрасно обхожусь и без него, – сказала Вера.

– Вот и хорошо, – кивнул Риттерман. – Моя секретарь передаст Россу рецепт лекарства против вашего желудочного микроба.

– А почему не мне?

– Так гораздо проще. – Риттерман явно начал терять терпение. – Вам не придется стоять в очереди в аптеке...

– Я бы охотно постояла.

Он бросил недвусмысленный взгляд на часы.

Вера встала. Она чувствовала себя расстроенной и униженной.

Половина двенадцатого. На улице лило как из ведра. Она поймала такси и велела шоферу ехать в магазин «Дженерал трейдинг компани» на Слоун-стрит. Росс весьма придирчиво относился к выбору товаров. Рубашки и галстуки следовало покупать только на Джермин-стрит и только в магазинах «Тёрнбулл энд Ассер», «Хилдич энд Ки» или «Льюинз»; деликатесы нужно заказывать в «Фортнум энд Мейсон», «Джексоне» или в «Харродсе»; курительные принадлежности – в «Данхилле». Магазин «Дженерал трейдинг компани» находился в списке магазинов, где можно покупать подарки.

Вера любила атмосферу, царящую в «Дженерал трейдинг компани». Она словно оказалась в частном клубе. Маленькие зальчики, расположенные анфиладой, были завалены сокровищами; выговор продавцов был безупречным. Постоянные покупательницы щеголяли шелковыми шарфами, накинутыми на шею и плечи. Как тотемы у соперничающих племен: «Корнелия Джеймс» против «Эрме» или «Гуччи».

На плечах Веры сейчас тоже красуется дорогой шелковый шарф: подпись Корнелии Джеймс горделиво выделяется на фоне черного дождевика от «Макс Мара». До знакомства с Россом ей было в общем все равно, что носить. Она почти не следовала моде и не покупала вещи знаменитых кутюрье – отчасти потому, что у нее всегда было туго с деньгами. Росс привил ей любовь к хорошей одежде. Вера часто прибегала к «магазинотерапии», чтобы развеять скуку или тоску. Даже в самые черные периоды депрессии после визита в Лондон и похода по бутикам самых дорогих домов моды у нее неизменно повышалось настроение. Росс не ругал ее за мотовство; наоборот, он даже поощрял ее покупки. Он хотел, чтобы его жена всегда была одета с иголочки и по последней моде. Впрочем, как признавалась самой себе Вера, в супермодных и сказочно дорогих нарядах она никогда не чувствовала себя уверенно.

Вера отлично понимала, что внешне вполне соответствует обстановке магазина, что не осталось и следа от ее скромного происхождения и образования, полученного в общедоступной средней школе. И все же в дорогих магазинах, подобных «Дженерал трейдинг компани», она чувствовала себя чужой. Ей казалось: здесь половина покупателей знакомы друг с другом – как будто они вместе росли. На их лицах читается уверенность, которая пришла к ним вместе со знатным происхождением, превосходным образованием. Такое не купишь ни за какие деньги; такого не достигнешь с помощью хирургического скальпеля. Эта уверенность либо дана от рождения, либо нет.

Вера постучала по стеклянной витрине, привлекая к себе внимание, и попросила неправдоподобно красивого продавца показать ей бумажник крокодиловой кожи.

– Чудесный подарок, – уверял ее этот Адонис, отпирая витрину. – Восхитительный!

Она повертела вещь в руках, поднесла к лицу и вдохнула аромат дорогой кожи. Потом открыла бумажник и пересчитала внутренние отделения.

– Вы не знаете, сюда помещаются доллары? Муж всегда жалуется, что английские бумажники узковаты для американской валюты.

– Сейчас проверю, – с готовностью вызвался красавец.

Но прежде чем он успел повернуться, из-за спины Веры протянулась рука. На прилавок легла новенькая, хрустящая однодолларовая купюра.

– Вот, – произнес голос с американским акцентом, – попробуйте!

Вера обернулась и пораженно-недоверчиво уставилась в глаза высокому худому мужчине в черном пальто.

– С-спасибо... мм... здравствуйте! – Она неуклюже пыталась скрыть замешательство: вдруг она обозналась?

Мужчина улыбнулся:

– Здравствуйте! Ну как ужин?

Значит, все-таки *он*. Ее поклонник, который вчера сидел через два столика от нее.

10

– Ужин отличный, – сказала Вера.

Судя по его улыбке, он ей не поверил.

Ей нравилось его лицо, хотя его нельзя было назвать красивым в общепринятом смысле: длинное, почти лошадиное; нос тоже длинноват и крут. Зато оно буквально дышало теплотой; взгляд умный и в то же время веселый. Грива седеющих курчавых волос. Несмотря на седину, он выглядел моложаво. У Веры возникло странное, но приятное чувство, будто они давно знают друг друга. Его титаново-серые глаза были устремлены на нее. Он явно флиртовал с ней, хотя иногда в его гипнотически сильным взгляде сквозила грусть.

– Вообще-то, не сказать, чтобы я хорошо провела время, – призналась она. – Если честно, там было невообразимо скучно.

Вера с трудом заставила себя отвести от него взор. Она прекрасно понимала, что должна прекратить игру. Но так славно хотя бы ненадолго почувствовать восхищение чужого мужчины в черном свитере с воротником поло, черных джинсах и театральном черном пальто. Почувствовать себя *желанной*.

Их глаза снова встретились.

– Вот видите – прекрасно уместается! – произнес за ее спиной ликующий голос.

Она обернулась. Продавец показывал ей бумажник с всунутой внутрь долларовой купюрой.

– Мм... ладно, – сказала Вера. – Я... беру его.

Она извлекла из сумки кошелек и протянула продавцу золотую кредитную карточку, а потом снова обернулась к своему поклоннику.

– Красивый бумажник, – заметил он.

– Для мужа, – вырвалось у нее, и она тут же пожалела о своих словах.

– Ему повезло. – Его глаза снова призывно заискрились.

Отчего-то ей стало трудно говорить и думать. Запинаясь, она спросила:

– Как по-вашему... такой бумажник – хороший подарок для мужа?

– Угу. – Он потянулся к прилавку, и она ощутила запах его одеколона – сильный, мужской запах, незнакомый, но приятный. Повертев бумажник в руках, он продолжил: – Хорошая вещь. Красивая – разумеется, если вам не жалко крокодилов.

Она не могла понять, серьезно он говорит или шутит.

– А вам их жалко?

Он положил бумажник на место. Голос у него был бархатистый, выразительный, низкий.

– По-моему, с крокодилом лучше общаться в виде бумажника, а не в виде спутника в бассейне.

Вера рассмеялась.

– У вас найдется время, чтобы выпить чашечку кофе? – спросил он.

Она снова посмотрела ему в глаза. В голове включились тревожные сигналы. Ей еще нужно купить много подарков и не забыть про шоколадные конфеты «Годива». Что бы она ни подарила Россу, он обидится, если не получит на день рождения свои любимые конфеты. Вера бросила взгляд на часы: 11:45. Свободного времени не больше получаса. Сегодня мама забирает Алека из школы, так что ничего страшного, если она припозднится. А Россу можно сказать, что она покупала ему подарки на день рождения.

– Конечно, – кивнула она. – Почему бы и нет?

Он протянул руку:

– Меня зовут Оливер.

– Вера. – Она пожала ему руку; у него были длинные сильные пальцы.

– Вера Рансом, – сказал он.

Интересно, откуда он знает? Может, только что прочитал ее имя и фамилию на кредитке?

Его глаза снова впились в нее.

– Вера... Хорошее имя, – сказал он. – По мнению писателя Менкена, вера – это «алогичное убеждение в существовании невероятного». Вы такая?

– Наверное. – Она улыбнулась и расписалась на слипе.

Когда они спустились в цокольный этаж и вошли в кафе, Вера вначале решила заказать капучино, но потом передумала. Зеленый листовый чай лучше справится с тошнотой. Ее поклонник отнес поднос с чашками к свободному угловому столику; Вера шла в некотором отдалении, нервно озираясь по сторонам в поисках знакомых лиц.

«Успокойся, глупышка! – приказывала она себе. – Ради бога, у тебя же не любовное свидание. Ты просто пришла выпить с ним чашку чая!»

Тем не менее нервы ее были напряжены.

Она волновалась из-за того, что ее влекло к этому незнакомцу; а еще... если Росс узнает, что она была в кафе с другим мужчиной, скандалам не будет конца. Она уселась в кресло за маленьким круглым столиком, спиной к стеллажу с цветами, от которых остро тянуло сыростью.

– Как ваша фамилия?

– Кэбот.

– Как у исследователя?

– Угу. Я его дальний родственник.

– Наверное, очень дальний, – заметила Вера.

– Почему?

– Он уже пятьсот лет как умер¹.

Оливер ухмыльнулся:

– Тушэ!

Обычно Вера пила чай без сахара, но сейчас решила, что ей нужна энергия. Она вскрыла пакетик с сахаром и высыпала его в чашку.

– «Листовой чай из смеси лучших китайских сортов, обогащенный сердцевинной сахарного тростника», – торжественно процитировал Оливер, как будто читал стихи.

– Звучит более изысканно, чем «чай с куском сахара».

Он тепло улыбнулся, и Вере вдруг стало все равно, увидит их кто-нибудь или нет. Она почувствовала себя свободной, как будто, проводя время с эксцентричным незнакомцем, она устраивала маленький бунт против тирании Росса.

– А вы? – спросила она. – Что вы покупаете здесь?

– Пришел взглянуть на список свадебных подарков – мой коллега женится.

– Неплохое место для выбора свадебных подарков.

– Вообще-то, я сам посоветовал ему «Дженерал трейдинг компани». Это мой самый любимый магазин во всем мире. Такой... типично английский. Больше, чем «Харродс» или «Харви Николс».

– А как же «Либерти»?

– И больше, чем «Либерти». Вам так не кажется?

– Он всегда был и моим любимым магазином.

Несколько секунд оба молчали. Потом она спросила:

– Мне любопытно... откуда вы узнали мою фамилию?

– Это было не так трудно. Вы замужем за пластическим хирургом, верно?

¹ Вера имеет в виду мореплавателя XV века Джованни Кабото, известного в том числе и как Джон Кэбот.

Вера, весело кивнув, спросила:

– Что еще вы хотите рассказать мне обо мне самой?

Ему было что рассказать, но Оливер Кэбот заставил себя сдержаться. Он до сих пор не оправился от потрясения после встречи с ней. Он сказал правду. «Дженерал трейдинг компани» был его любимым магазином, но он не заходил сюда с самого Рождества. И сегодня у него не было здесь никаких дел. Он уже купил коллеге свадебный подарок – фарфоровую жардиньерку, полочку над телефоном.

В голове крутилось: значит, эта штука все же работает. Если ты на самом деле чего-то хочешь, ты можешь сделать так, чтобы желаемое случилось. *Силой разума.*

Понимай он то же самое восемь лет назад, может быть... может быть, Джейк сейчас был бы жив...

Сегодня утром, крутя педали, он все время думал о Вере. Гнал прочь мысли о ней, но Вера неизменно возвращалась – как будто они с ней общались посредством телепатии. Оливеру показалось, будто все дело в силе его желания. Но... вот она здесь, сидит напротив и выжидающе улыбается. Она ждет ответа на свой вопрос. На ней супермодный и супердорогой шелковый шарф и элегантный плащ. Восемь лет назад он бы решил, что их встреча – простое совпадение. Согласно медицинской науке, такого феномена, как телепатия, в природе не существует. И все же ему известно то же, что и остальным врачам: самое сильное лекарство на свете – плацебо. *Сила человеческого разума.*

Косметики на ней немного; глаза у нее теплые, живые. Но в них мелькает то же отчаянное выражение, какое он подметил вчера вечером. Отчаяние и безнадежность читаются в ее жестах, в движениях, в ее ауре. И что-то еще – что ему очень не нравится.

Не говоря ни слова, он потянулся к ней через стол, легко взял за запястье и начал изучать ее ладонь. Запястье у нее тонкое, чувственное; он старался отогнать ненужные мысли. Заблокировать аромат ее духов, не обращать внимания на то, как приятно ему держать ее теплую нежную руку.

Надо сконцентрироваться!

Когда Оливер Кэбот легко провел кончиком пальца по линии жизни у нее на ладони, Вера испытала укол эротического возбуждения. Собственные ощущения поразили ее – как будто внутри зажегся свет.

Он продолжал изучать линии у нее на руке.

– Линия любви, линия здоровья. – Он нахмурился.

В ней крепло чувство, будто они старые друзья.

– Вот ваша линия жизни. – Он показал на вторую пересекавшую ее линию. – Она прерывается примерно на одной трети; значит в тридцать с небольшим лет вас ждет перемена. – Он помолчал. – По-моему, сейчас вам именно столько, да?

– Что за перемена?

– Не знаю. Но перемена глобальная. – Помолчав, он продолжал: – Возможно, она касается личной жизни. Развод.

Вера отвернулась. Ей стало не по себе.

– Что еще вы можете прочитать по моей ладони?

– Много чего. Что именно вы хотите узнать?

Улыбаясь, он снова принялся рассматривать ее руку. Внезапно лицо его омрачилось – чуть-чуть. Когда он поднял на нее глаза, во взгляде читалось волнение.

– Как у вас со здоровьем?

Вера решила умолчать о приступах тошноты.

– В порядке, спасибо. – Голос ее дрогнул. – А что?

- Да нет, ничего.
- Что вы там увидели?
- Руки у него были красивые, ухоженные.
- Не хочу, чтобы вы волновались.
- Минуту назад я и не волновалась, а теперь до смерти боюсь.
- Не стоит. Ваша линия здоровья показывает, что... – Внезапно Оливер осекся и замолчал.
- Показывает, что...
- Вероятное заболевание. Но не обязательное. Вполне возможно, вы совершенно здоровы.
- Какого рода заболевание?
- Он пожал плечами:
- Все, что угодно. Вам просто нужно регулярно обследоваться.
- У Веры едва не вырвалось: «Я только что прошла общее обследование. Сегодня утром!»
- Должно быть, он прочитал по ее ладони, что она подцепила какую-то инфекцию.
- Значит, вот чем вы занимаетесь, – разочарованно протянула она. – Вы хиромант?
- Оливер рассмеялся:
- Я умею читать линии на ладони, но я не гадаю по руке. Меня интересуют внешние проявления того, что происходит в организме.
- А чем вы, собственно, занимаетесь? Вы врач?
- Вы слышали о Центре нетрадиционной медицины Кэбота?
- Название показалось ей знакомым. Вроде бы недавно о центре что-то писали в газетах.
- Потом она вспомнила:
- Статья в «Таймс», с месяц тому назад! Так это вы набросились на профессию врача?
- Он задумчиво, маленькими глотками пил кофе.
- Не в обиду вашему мужу будь сказано, но средний, обычный доктор в нашем западном мире – просто марионетка. Чиновник, связанный по рукам и ногам, у которого за плечами десять лет понапрасну потраченной подготовки. Он – жертва.
- Жертва чего?
- Системы, которую он сам же и поддерживает, полагая, что она сделает мир лучше. А система всего лишь обогатила несколько организаций, которые могут себе позволить устраивать званые ужины наподобие вчерашнего.
- И тем не менее вы сочли возможным воспользоваться их гостеприимством, – парировала она.
- Мне было любопытно. Но вообще-то, я получил нормальное медицинское образование. Я дипломированный врач – просто сейчас не практикую.
- Расскажите мне о вашем Центре нетрадиционной медицины.
- Хорошо бы, вы как-нибудь пришли и взглянули своими глазами – мы занимаемся довольно интересными вещами.
- Какого рода?
- У нас многопрофильное заведение. Гомеопатия, остеопатия, акупунктура, лечение гипнозом, хроноterapia...
- Что такое хроноterapia?
- Новая отрасль лечения, основанная на изучении биоритмов человека. Мы проводим всесторонние исследования циркадных ритмов. Многие указывают на то, что в суточных биоритмах человека не двадцать четыре, а двадцать пять с половиной часов; в этом отношении мы уникальные создания на планете Земля. У меня есть предположение, что именно данное расхождение порождает многие болезни. Вот приходите, и я покажу, чем мы занимаемся! А может, жене знаменитого хирурга запрещено разговаривать с шарлатанами вроде меня?

Вера улынулась. Росс всегда отвергал альтернативную медицину – как, впрочем, и почти все виды немедикаментозного лечения. В прошлом они немало спорили из-за этого. Росс разозлился, когда Вера, растянув связки после лыжной прогулки, решила по совету подруги попробовать иглоукалывание. Нет, он тогда не просто разозлился. Он был вне себя от ярости!

По мнению Росса, право на существование имеет только современная западная клиническая медицина. Он от всей души презирал шарлатанов, которые имеют наглость лечить людей, окончив краткосрочные заочные курсы целителей, – в то время как он проучился почти двенадцать лет: усваивал теорию, а потом долго работал, так сказать, подмастерьем, учился всему, что можно узнать о каждом атоме человеческого организма.

Росс ненавидел целителей от альтернативной медицины еще сильнее, чем шарлатанов от пластической хирургии – врачей, которые берутся делать пластические операции, не обладая необходимой квалификацией пластических хирургов. Тем не менее к практике их допускают!

– Может быть, ваш муж тоже захочет прийти? – спросил Оливер. – Мы разработали много методов и программ послеоперационного ухода.

Веру кольнуло разочарование. Так, может быть, их «случайная» встреча просто рекламный трюк? «Представляю, какую гримасу скорчил бы Росс, узнав об этом предложении», – подумала она.

– Вряд ли... то есть он невероятно занят.

Увидев его облегчение, она обрадовалась. Значит, он приглашал Росса только из вежливости. На самом деле ему хочется увидеть ее, и только ее.

– Как насчет завтра? Я пересмотрю свое расписание... может, вы зайдете, а потом мы пообедаем вместе?

– С удовольствием бы, но я живу в Суссексе. Я не так часто приезжаю в Лондон.

– Хорошее место. Тогда... в следующий раз, как вы окажетесь в Лондоне?

Их глаза снова встретились. Как хорошо – и как опасно! Вере приятно его внимание, но здравый смысл подсказывает: допивай чай, вежливо благодари и убирайся из его жизни. Сейчас ей меньше всего нужна интрижка с другим мужчиной. Сначала необходимо выяснить отношения с Россом и каким-то образом придумать выход для себя и Алека. Возможно, Росс еще смирится с тем, что она уйдет от него и будет жить одна, но она точно знает: скорее адское пламя замерзнет, чем он позволит ей уйти к другому.

Правда... ей так невероятно хорошо сидеть здесь, с этим человеком. Как будто во мраке ночи блеснула искорка – и она видит, что новая жизнь возможна.

Оливер Кэбот протянул ей свою визитку:

– Позвоните, когда выберетесь в Лондон.

Вера сунула ее в сумочку, решив по пути выбросить визитку в урну, чтобы Росс не нашел.

– Спасибо, – сказала она. – Позвоню.

Он бросил на нее тоскующий взгляд, в котором читалось: «Я хочу, чтобы ты позвонила, только, по-моему, ты не позвонишь».

11

Оказавшись на верхней площадке пожарной лестницы, мальчик как можно тише поставил на ступеньку канистру с бензином. Она звякнула, но еле слышно.

Руки в резиновых перчатках дрожали. Он растегнул нагрудный карман ветровки, осторожно вытащил новенький ключ и вставил в замок кухонной двери. Стараясь не дышать, повернул ключ в замке. Слабый щелчок показался ему громким, как пистолетный выстрел.

Мальчик похолодел. Ему показалось, ночь взорвалась грохотом и скрежетом. Прижавшись носом к стеклу, он напряженно вглядывался в темную кухню. Хладнокровие изменило ему, и он запаниковал. Но уговорил себя не нервничать. Через пару минут ему удалось взять себя в руки.

Он посмотрел вниз, на маленький задний двор. Потом поднял глаза вверх; сзади, как скелет, возвышалось недостроенное высотное здание. Кругом ни души. Пока все в порядке.

Он нажал на дверную ручку и толкнул дверь. Она открылась бесшумно – петли он смазал сам несколько дней назад. В нос ударила застоявшаяся вонь жареной рыбы. Тихо жужжал холодильник. Захватив канистру, он вошел внутрь и бесшумно закрыл за собой дверь. Потом постоял в темном тесном помещении, прислушиваясь.

Женщина за закрытой дверью сдавленно вскрикивала и стонала:

– О да! О господи, да, сделай это!

Мальчик прекрасно ориентировался в ее квартире – он уже два раза побывал здесь, всегда в то время, когда она была на работе.

Тогда легко было подсчитать, сколько у него есть времени. Все, что требовалось, – оставить велосипед у кооперативного магазина и, спрятавшись за полуразрушенной стеной через дорогу, наблюдать за ее кассой, где она сидела в свою смену, кроме перерыва на обед. Он просто дожидался, пока она придет на работу, и знал, что у него в запасе целых восемь часов. Хотя он всегда успевал управиться и за два часа. Больше ему не нужно было.

Это случилось во время второго визита. Первый он совершил из чистого любопытства. Искал улики. Рылся в шкафах, доставал ее одежду, вдыхая аромат женщины, которую он почти не знал. Достав из ящика черный кружевной бюстгальтер, он прижался носом к чашечкам и смутился, испытав странное чувство.

В тот раз он пришел на разведку. Очень важно было выяснить, есть ли у нее его фотографии. Много ли он для нее значит? В маленькой гостиной, в спальне и кухне он увидел кучу фотографий ее самой – в рамках и без рамок. Одна, самая большая, черно-белая, в рамке, была слегка размыта. Увеличенный портрет. Черные кудряшки отброшены назад. Она улыбалась кому-то; на лице застыло самодовольное, тщеславное выражение.

В ящиках комода и в двух альбомах он обнаружил и другие ее фотографии. Она снималась одна и с мужчинами. В лодках, на скачках, на авторалли, в ресторанах, в ночных клубах.

И лишь на одном снимке он увидел себя.

Снимок лежал картинкой вниз на дне ящика комода, в деревянной шкатулке, в ворохе писем и документов. Маленькая фотография, примерно два на два дюйма, помятая, с оторванным уголком, почти выцветшая. Они вдвоем сидели бок о бок на галечном пляже. Ему было года четыре; он в плавках, болезненно худой, с торчащими коленками, взъерошенными волосами; сидит и щурится на солнце. Она рядом, но в то же время далеко от него. В бикини, в темных очках, состроила очаровательную гримаску фотографу. Мальчик рядом... да знала ли она его когда-нибудь?

Вспомнила бы она его сегодня?

Нельзя забывать людей. Особенно тех, которые тебя любят. Нельзя просто выбросить их, вычеркнуть из своей жизни, уйти от них. Я покажу тебе, как забывать!

Обещаю.

12

– Давай же, милый, ешь – ведь ты это любишь.

Алек в майке с принтом из сериала «Ох уж эти детки!» сидит за столом в кухне: перед ним в тарелке стынут спагетти под соусом болоньезе. Темные, как у Росса, волосы падают на глаза. В тарелке палочки для еды – после Таиланда он наотрез отказывается есть вилкой. В руках вертит вертолет, собранный из лего.

– С вертолетом поиграешь потом. – Вера еле сдерживалась. – Бабушка приготовила спагетти специально для тебя.

Сегодняшнее раздражение объяснялось не только тем, что ей снова плохо, но и двумя затянувшимися заседаниями. Утром она провела три часа в комитете по спасению церковной крыши, а сразу после этого состоялся митинг жителей деревни, на котором предлагалось подать протест против строительства гольф-клуба. Приступы тошноты следовали один за другим, несмотря на таблетки зантака, которые дал ей Росс. Прошла почти неделя с тех пор, как она побывала у Джулса Риттермана, но он до сих пор так и не сообщил ей о результатах анализов.

Не обращая на мать внимания, Алек оторвал желтую детальку от фюзеляжа, сосредоточенно надул губы и вставил «кирпичик» в другой ряд.

Вера вскочила так резко, что ее стул опрокинулся. Распутин, спавший на своей подушке перед плитой, подпрыгнул. Вера вырвала вертолет из рук Алека.

– Немедленно ужинать! – приказала она.

– Не хочу.

Вера положила вертолет на черную мраморную столешницу, схватила палочки Алека и начала дробить спагетти на мелкие кусочки. Росс и мама совсем его избаловали!

Мать молча сидела напротив внука: в губах зажат окурок, от которого идет дым, глаза прищурены, брови сведены на переносице; она сосредоточенно читает журнал «Хелло!», лежащий перед ней на огромном сосновом столе. Время от времени она бросает взгляд на экран телевизора: идет очередная серия «Соседей». По мнению Веры, телевизор орет слишком громко.

Приглушать звук она не стала. В конце концов, мама целый день присматривала за Алеком – уже начались каникулы. Но в том-то и проблема. «Не важно, – подумала Вера, – сколько тебе лет; для мамы ты навсегда останешься ребенком». Вот почему она никогда не могла набраться смелости и попросить маму не курить за столом, когда Алек ест. И несмотря на то что они так отличаются друг от друга, маму она уважает. Маргарет. Разумное, серьезное имя. Именно так мама сейчас и выглядит – одета для загорода, в полном соответствии с промозглой погодой: в толстом пуловере машинной вязки, вельветовых брюках, удобных туфлях на низком каблуке.

Ей совсем недавно исполнилось шестьдесят; у нее короткие седые волосы и красивое лицо, правда, кожа испещрена морщинами от тяжких переживаний и многих лет непрерывного курения. На ее долю трудностей хватило. Двадцать лет она ухаживала за отцом Веры, прикованным к постели, и беспомощно наблюдала за тем, как состояние мужа ухудшается.

В те последние ужасные годы, когда отец уже стал почти овощем, Росс был безупречен. Он оплачивал круглосуточную сиделку, помогал маме деньгами и заботился о том, чтобы отец получал самое лучшее лечение. Вот почему, по мнению мамы, Росс не способен ни на что плохое.

Вера подцепила палочками немного спагетти, окунула их в соус и поднесла ко рту сынишки. Алек плотно сжал губы.

– Ешь! – прошипела она.

Не вынимая сигареты изо рта, мать заявила:

– Мы чудесно провели день, милая. Ходили в...

– Алек! Ешь немедленно!

– Не хочу.

– Ходили в Фонд по охране водоплавающих птиц, – продолжала мать. – Алек, расскажи мамочке, что мы видели. – Она вынула сигарету изо рта и закашлялась.

Вера накинулась на нее:

– Ты что, целый день кормила его конфетами?

Глядя на Алека, мать ответила:

– Мы пообедали чизбургерами в «Макдоналдсе».

– Когда вы пообедали? – спросила Вера.

Она успела заметить, как бабушка и внук обменялись заговорщическими взглядами. Господи, ее мать всегда была такой разумной! Но в обществе шестилетнего внука ее мозги превращаются в кашу.

– Мама, когда вы пообедали? – повторила Вера.

– Ну... в...

– Я уже говорила тебе: необходимо соблюдать режим дня. Режим очень важен для ребенка. Алек всегда обедает в час, а ужинает в шесть. Когда я была маленькой, то, черт побери, питалась именно так!

– Росс сказал, что...

– К черту Росса! Днем его тут не бывает. Я мать Алека, и изволь слушать меня, ясно?

Она снова заметила, как ее мать и сын переглянулись. Как будто у них был свой секрет. Алек ухмыльнулся.

Вера вихрем вылетела из кухни. Пробежала по коридору и вышла в холл. В голове все смешалось. Она оказалась в малой гостиной – уютном уголке с огромным диваном, стеллажами зачитанных книг в мягких обложках и внушительным телевизором с шестидесятидюймовым экраном. Телевизор был включен; звук приглушен. Ведущий что-то проговорил, затем камера показала крупным планом женщину-репортера, которая подносила ко рту какого-то человека микрофон.

Вера села на диван, кипя от злости. Она понимала, что ее досада совершенно бессмысленна. Да, режим для Алека важен, но исключения из правил время от времени ему не повредят, и, если маме нравится баловать внука, что с того? В ее жизни было так мало удовольствий! Кроме того, мама по первому зову приезжает посидеть с мальчиком из своей скучной квартиры в Кройдоне. Для нее, Веры, мамина готовность помочь – настоящее благо.

Ее плохое настроение имело и другую причину. Она стала часто задумываться. Вот уже несколько дней и ночей, а порой и просыпаясь на рассвете, она все думала... думала... думала. Пыталась выкинуть мысли из головы и не могла.

Воспоминание о случайной встрече в магазине «Дженерал трейдинг компани» преследовало ее неотступно. Несколько раз ее так и подмывало поднять трубку и напомнить Оливеру Кэботу о его обещании показать ей свой медицинский центр. Но всякий раз благоразумие – а может, трусость? – вынуждало ее отказаться от рискованной затеи.

В комнату пришлепал Распутин и направился прямо к ней. Она обняла его за шею.

– Молодец, – похвалила она пса. – Вот тебя никогда не приходится упрашивать что-нибудь съесть, верно?

С трудом встав с дивана, она поднялась по лестнице и зашла в свою спальню. Пес потрусил было следом, но остался на пороге. Вера села на кровать, открыла сумочку, пошарила на дне и вытащила визитку, лежавшую под грудой чеков за бензин. «Доктор Оливер Кэбот. Центр нетрадиционной медицины». Она невольно почувствовала себя преступницей.

Внимательно прочитала номер телефона, факс, адрес электронной почты, адрес в Интернете.

Ты и есть настоящая причина, доктор Оливер Кэбот! Ты и есть настоящая причина того, почему мне так паршиво.

13

– Бранденбург.

– Хотите что-нибудь конкретное? – спросила операционная сестра.

– Номер два, фа мажор, Джейн, – отозвался Росс, не переставая накладывать швы. – По моему, утро сегодня именно такое – фа-мажорное. – Он лучезарно улыбнулся: улыбка настоящего Большого Босса, который всегда получает то, что хочет.

На столе, под яркой бестеневой стационарной лампой-«осьминожкой», лежала молодая женщина. Глаза у нее были открыты, но она была неподвижна, как труп. Только цифры на дисплее наркозного аппарата да постоянное попискивание свидетельствовали о том, что пациентка еще жива.

Имран Патил, врач-стажер, наблюдал за Россом, изучая его технику. Увидев, что у хирурга заканчивается нить, операционная сестра без единого слова передала ему новую. Все шло именно так, как любил Росс: по старинке, когда они *все* стояли наготове: операционная сестра, анестезиолог, ассистент оперблока. Необходимо, чтобы во время операции все работало как часы. Иерархия. Дисциплина. Как на военном корабле.

И хорошенькие сестры.

Россу нравилось окружать себя красивыми молодыми лицами; флирт его взбадривал. Однако дальше флирта он никогда не шел – ему было неинтересно.

В операционной раздались звуки Второго Бранденбургского концерта. Росс проткнул иглой тонкий лоскут кожи, отсеченный несколько минут назад от бедра молодой женщины; затем игла прошла толстый валик рубцовой ткани от ужасных ожогов, покрывавших верхнюю часть туловища пациентки. До пожара, искажившего ее внешность до неузнаваемости, Салли Портер, двадцати семи лет, была довольно красива. Росс не стал выяснять у пациентки подробности пожара; он знал только, что дело было на яхте.

Когда Росс занимался реконструктивной пластикой, он предпочитал не знать о причинах трагедии, так как знание могло повлиять на ход операции: если оказывалось, что пациент сам виноват в случившемся, сделал глупость – например, плеснул на мангал бензином или нарочно что-то поджег, – он, Росс, мог разозлиться и сделать свою работу не так хорошо.

Салли Портер навсегда останется для него невинной жертвой.

Ей пришлось много страдать; за два года он сделал ей десять операций, – возможно, придется оперировать ее еще раз десять, пытаясь шаг за шагом вернуть ее к полноценной жизни. Росса восхищала ее стойкость, мужество в попытках справиться с несчастьями и осложнениями.

А ей действительно здорово досталось. После одной из предыдущих операций трансплантат не прижился, произошло отторжение, и пришлось бедняжке вытерпеть еще одну, новую операцию. Сегодняшняя операция – повторение той, что он делал полгода назад. Возникла проблема с капиллярным кровоснабжением: вследствие стянутости кожи голова у пациентки постоянно клонилась вперед. Росс вел бесконечную битву, знакомую каждому пластическому хирургу: он стремился воссоздать утраченную красоту, не навредив здоровью пациентки.

Сделав последний стежок, он отступил и кивнул женщине-фотографу, которая на время операции выходила, но сейчас вернулась в операционную. Та подошла к столу и сделала три снимка его работы. Затем стажер прикрыл края операционного поля полосами марли, и операционная сестра подала Россу аппарат для наложения скобок.

Через двадцать минут Салли Портер осторожно приподняли, подсунули ей под спину специальный щит «Фэтслайд», перенесли на каталку и выкатили из операционной. Младшая медсестра выключила сиди-плеер, и обстановка в операционной разрядилась. Сестра стащила с рук Росса латексные перчатки и выкинула их в корзину.

Росс снял маску, развязал тесемки халата и, присев за стол, начал описывать операцию. Стажер заглядывал ему через плечо. Подошла молодая сестра, протянула трубку радиотелефона:

– Мистер Рансом, вас!

– Кто? – раздраженно спросил он.

Сегодня у него напряженный график, а на Салли Портер ушло больше времени, чем он рассчитывал, и времени пообедать, скорее всего, не будет. Уже половина третьего.

– Мм... – Сестра прикрыла трубку рукой. Ее звали Франсин Уэст, она была очень хорошенькая и сейчас явно нервничала.

– Я не кусаюсь. – Росс слабо улыбнулся. – Просто выясните, кто меня спрашивает.

Сестра вышла из операционной, но почти сразу же вернулась.

– Доктор Джулс Риттерман. Он звонит уже третий раз.

Росс снял хирургическую робу, передал ее сестре, затем взял трубку и вышел в коридор. Слышно было плохо – то ли оттого, что связь вообще никуда не годилась, то ли оттого, что Риттерман звонил с мобильного.

– Росс, – услышал он спокойный, суховатый голос Риттермана, – извини, что беспокою тебя на работе.

– Ничего. Что случилось?

Последовала длинная пауза; услышав треск в трубке, Росс подумал, что их разъединили. Потом врач заговорил снова:

– Помнишь, ты просил меня на той неделе осмотреть Веру?

– Да. – Росс вошел в туалет, свободной рукой приспустил штаны. – Ее тошнит, Джулс, причем уже довольно давно.

– Я сделал ей ряд анализов, – нерешительно продолжал Риттерман, – и потом потребовались еще другие, дополнительные анализы. Я... может быть, я не вовремя, Росс?

Облегчая мочевой пузырь, Росс сказал:

– Вообще-то, да. Мне нужно возвращаться в операционную. – Но тон врача обеспокоил его. – Что такое, Джулс? Что показали анализы?

– Слушай, Росс, по-моему, нам надо об этом поговорить. Когда ты освободишься? Я мог бы подъехать к тебе.

– А по телефону нельзя?

– Лучше не стоит. Так во сколько ты сегодня заканчиваешь?

Встревоженный, Росс ответил:

– Около шести, но мне нужно еще заехать на квартиру и переодеться. Вечером торжественный обед в Сити.

– Когда тебе надо там быть?

– В половине восьмого.

– Я мог бы заскочить к тебе в шесть тридцать на несколько минут – мне нужно уйти до семи, мы идем на балет.

– Что с ней, Джулс?

– По-моему, лучше всего нам обсудить ее состояние с глазу на глаз, Росс. Боюсь, дело плохо.

14

Во второй раз он съездил туда ради того, чтобы раздобыть ключ.

Перед тем мальчик проскользнул в квартиру через крошечное окошко в туалете, – видимо, его постоянно держали приоткрытым, и оно находилось вне поля зрения соседей. От окошка до пола было почти шесть футов – если она будет дома, то услышит глухой удар от падения. Поэтому мальчик снял запасной ключ, висевший на крюке за кухонной дверью, отнес его к жестянщику и заказал дубликат, за который заплатил из собственных скудных сбережений. В качестве дополнительной предосторожности он также купил баночку машинного масла и смазал все дверные петли в том доме.

Из холла пробивался свет, и он видел, в каком запущенном состоянии находится кухня – в точности как раньше: грязные тарелки горой навалены в раковине, на рабочем столе вскрытая банка с консервированными спагетти, на пластиковом обеденном столе две тарелки с остатками еды; обе тарелки утыканы сигаретными окурками. На полу, возле мусорного ведра с педалью, яичная скорлупа и апельсиновая кожура.

Отвратительно! Просто с души воротит.

Ее неряшливость оскорбляла его до глубины души.

Послышался резкий щелчок – холодильник вдруг замолчал. В тишине ее голос казался громче:

– О да! Не останавливайся!

Слушая ее крики, мальчик думал: «Тебе не нравился беспорядок, который я разводил, а сама живешь как свинья?!»

15

В доме было тихо. Алек уехал с родителями школьного друга в Лонглитский сафари-парк. Вера скучала по сыну. Когда его не было рядом, она постоянно тревожилась за него. Как он там, в чужой машине? Пристегнулся ли ремнем как следует? Только бы не вылезал из машины в сафари-парке! Она не представляла себе жизни без Алека. Интересно, где он сейчас?

Вера сидела в кожаном вращающемся кресле в кабинете Росса, перед его компьютером. Она ввела пароль и стала проверять почту.

Сегодня утром немного – дата следующего заседания комитета, посвященного перегороженной тропе, короткая записка от давней подруги, переехавшей в Лос-Анджелес, куча рекламного мусора, новости с форума женщин, подвергающихся домашнему насилию, – недавно, когда ей было особенно плохо, она подписалась на рассылку.

Вера побродила по Сети, перечитала адрес сайта на визитке доктора Оливера Кэбота и осторожно набрала его.

За окном, под проливным дождем, садовник Моррис в дождевике с накинутым капюшоном толкал нагруженную тележку. Распутин недовольно заворчал. Потом он прищелпал к окну и залаял. Садовник панически боялся собак, и Распутин заботился о том, чтобы страхи Морриса не уменьшались.

– Тихо, малыш! Это только Моррис, – крикнула Вера. – Погуляем потом, когда развиднеется.

Она повернулась к монитору. На нем возникли слова:

Мой врач вчера принес мне облегчение,
А ночью я скончался от лечения.

Мэтью Прайор (1664–1721). Лекарство хуже болезни

Вера улыбнулась. Через несколько мгновений слова исчезли и на мониторе появились крупные буквы: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЦЕНТР НЕТРАДИЦИОННОЙ МЕДИЦИНЫ КЭБОТА. ВЫ ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ ПОД НОМЕРОМ 111926».

Крупный план: фасад здания центра, напоминающего готическую церковь. Фотография самого Оливера Кэбота: весь в черном, на глазах крошечные овальные очки.

При взгляде на него Вера кольнуло возбуждение. Схватив мышшь, она навела на фотографию курсор и щелкнула по правому верхнему углу рамки. Снимок укрупнился, и через несколько секунд лицо Кэбота стало размером с экран.

Садовник прогромыхал назад мимо окна.

Понимая, что это нелепо, Вера тем не менее оглянулась на стену, где висела фотография Росса,жимающего руку принцессе Анне на каком-то благотворительном мероприятии.

Она перевела взгляд на снимок Оливера Кэбота и вдруг почувствовала непреодолимое желание снова увидеть его. На мониторе возник список предлагаемых центром услуг: акупунктура, китайская медицина, ароматерапия, хроноterapia, цигун-терапия, орошения кишечника, цветопунктура, психоанализ и психотерапия, гомеопатия, гипнотерапия, мануальная терапия, массаж, остеопатия, рефлексология, лечение по японской системе рэйки, шиацу. Ниже было написано: «Все специалисты Центра Кэбота отвечают высочайшим международным стандартам и являются практикующими специалистами, аккредитованными крупнейшими страховыми компаниями. Приходите и навестите наш оазис спокойствия в центре Лондона».

Далее шли номер телефона, факс, адрес электронной почты и указатель родственных сайтов. Она посмотрела телефонный номер, сверилась с визиткой Оливера Кэбота. Нерешительно покосилась на дорогой телефонный аппарат «Банг энд Олуфсен». К горлу подступил комок.

Он всего лишь покажет мне клинику, вот и все – ничего особенного.

И может быть, доктор Оливер Кэбот сможет дать ей средство, способное на корню уничтожить этот микроб!

Она уже собралась набрать номер, когда увидела, что в ворота въезжает машина со включенными фарами. По аллее к дому проехал белый универсал «мерседес». Из-за того что ветровое стекло было залито дождем, невозможно было понять, кто сидит за рулем. Вера хмуро наблюдала за машиной, досадуя на то, что ей помешали.

Как только открылась дверца, она тут же поняла, кто к ней пожаловал. Самая занудная женщина на свете, закутанная в толстый непромокаемый плащ; на голове – практичная, но нелепая на вид непромокаемая шляпа.

Фелис Д'Ит.

Только ее сейчас не хватало!

Вера совместно с Фелис Д'Ит входила в подкомитет Национального общества защиты детей от жестокого обращения; в этом году они устраивали бал на Хеллоуин. Хотя до бала еще почти полгода, Фелис с самого Рождества бомбардировала ее письмами с напоминаниями, факсимильными сообщениями, и наконец – о ужас! – она открыла для себя Интернет и с тех пор заваливала Веру электронными посланиями. Фелис в подробностях описывала подарки, которые были пожертвованы для бесприигрышной лотереи, – а их было сто двадцать штук.

Вера поспешно вышла с сайта и поспешила к двери; стук дверного молотка эхом разносился по холлу.

– Ох, Вера, как я рада, что застала вас дома! – произнесла Фелис Д'Ит пронзительным голосом. – У меня вся машина завалена призами!

Вера посмотрела на улицу поверх плеча гостьи: кажется, дождь усиливался. Фелис сбросила шляпу, потрясла жидкими каштановыми волосами и начала расстегивать плащ.

– Жуткий день, – сообщила она, – но на западе уже проясняется – где-то через полчаса дождь кончится, и мы сможем заняться разгрузкой. Вера, вы какая-то бледная – плохо себя чувствуете?

– Нет-нет, все в порядке.

– А по виду не скажешь. Ну ладно. Давайте обсудим, как нам лучше провести бесприигрышную лотерею, – у меня появились кое-какие идеи. А потом можем пройтись по всему списку. В прошлом году лотерея собрала семьсот фунтов. В этом году, если все получится, соберем по крайней мере вдвое больше.

– Да, – покорно повторила Вера, закрывая входную дверь. – По крайней мере.

Оглядев кухню, Фелис заметила:

– Вижу, у вас «ага». Красивая плита, но потребляет столько электричества! И греет пространство – я не люблю жару. Когда мы купили дом, у нас тоже была такая, но мы ее убрали.

– Вот как? – удивилась Вера. – А мы решили встроить. Чай или кофе? – вежливо осведомилась она.

Плюхнувшись в кресло, Фелис размотала мятый шелковый шарф и положила его на стол.

– У вас есть травяной чай? Танин очень вреден для слизистой желудка, а кофе, по-моему, просто яд – разрушает все витамины и микроэлементы.

Вера поставила чайник на конфорку.

– Я не знала. У меня есть ромашковый.

– А больше ничего?

– Нет. Только ромашка.

– Ну тогда, пожалуй, дайте ромашкового, хотя от него меня всегда клонит в сон.

Вера бросила в ее чашку два пакетика.

16

Росс, в носках, в брюках от вечернего костюма (подтяжки болтались по бокам), провел Джулса Риттермана в гостиную своей квартирки возле Риджентс-парка и усадил на двухместный диванчик перед камином. Второй такой же диванчик стоял напротив. Между ними помещался низкий дубовый сундук, служивший кофейным столиком. В электрокамине были уложены искусственные дрова, и на них плясали язычки газового пламени. Из проигрывателя доносилась музыка Шопена.

Весь день Россу было не по себе: он все время прокручивал в голове слова Риттермана и не мог сосредоточиться. Даже во время операции круговой подтяжки лица мысли его были где-то далеко. Только чудом ему удалось не рассечь лицевой нерв – тогда физиономия у его пациентки на всю жизнь осталась бы перекошенной.

Ему не терпелось выяснить, что собирался сообщить Джулс, но, повинаясь законам гостеприимства, он спросил:

– Выпьешь чего-нибудь, Джулс?

– Спасибо, глоточек виски, если у тебя есть время. Ты говорил, торжественный ужин?

– В Королевском медицинском обществе, – отозвался Росс с порога кухни. – В начале восьмого мне надо выходить. А ты на балет?

– Да, на «Сильфиду».

То был один из немногих знакомых Россу балетов: у Веры дома имелся диск с записью. Плеснув виски в хрустальный стакан, он крикнул:

– С водой? Со льдом?

– Плесни водички.

О боже, лишь бы с Верой все было хорошо!

Когда Росс вернулся в гостиную, Риттерман с одобрением оглядывал антикварную мебель, картины на стенах – в основном сцены морских сражений восемнадцатого и девятнадцатого веков.

– Уютное гнездышко, Росс. Ты часто здесь бываешь?

– Три-четыре ночи в неделю. Квартирка маловата, но мне подходит. Вера сейчас редко приезжает в Лондон. Надо бы вам с Хильдой опять прийти к нам на ужин, когда мне удастся оторвать ее от Алека и привезти сюда на вечер.

– Мы с удовольствием. – Риттерман улыбнулся. – Как успехи в гольфе?

– Да никак. Я сейчас увлекся стрельбой, вступил в пару обществ. – Росс сел на диванчик напротив своего гостя, поставив стакан на специальную подставку на дубовом сундуке. Выждав несколько секунд, нетерпеливо посмотрел на часы. – Итак?

Риттерман подался вперед, оперев ладони в бедра, как будто желал разгладить складки на брюках, и откашлялся.

– Я... – Он поднял стакан и принялся вертеть его в руках, разглядывая на свет. – Послушай, мне необходимо взять у нее еще несколько анализов, чтобы убедиться окончательно, но я, в общем, и так совершенно уверен... Кроме того, на всякий случай я проконсультировался с парой коллег... Что тебе известно о водобоязни?

Последние слова Риттерман произнес так, что у Росса екнуло сердце.

– Водобоязнь... ведь она бывает при... *бешенстве*?!

Риттерман кивнул.

– У Веры бешенство?!

Риттерман поднял руку, призывая его замолчать:

– Нет, но боюсь, она подхватила инфекцию, которая поражает организм примерно таким же образом.

– Так же страшно?
– Боюсь, что так.
– Что... что за инфекция? Вирусная? Наследственная? Это заразно? Джулс, каков прогноз?

Риттерман потер затылок.

– Заболевание вирусное, скорее всего, передается через воду. Во всех известных нам случаях пациенты, перед тем как заболеть, побывали в странах Дальнего Востока, граничащих с Индийским океаном и Южно-Китайским морем, – разумеется, сюда входит и Таиланд. Данное заболевание получило название «болезнь Лендта».

– Ради бога, что еще за болезнь Лендта?!

– Названа в честь американского вирусолога Лендта, который первым описал симптомы. На той неделе я изучил несколько историй болезни. У всех сходное течение. Первый симптом – упорная рвота; приступы тошноты следуют в течение двух-трех месяцев. Затем – дезориентировка во времени, в обстановке и так далее; затем у больного следуют продолжительные приступы мании преследования. Ночные кошмары. Терминальные симптомы – обмороки, галлюцинации. Затем постепенное угасание моторных функций... – Риттерман замолчал.

У Росса не укладывалось в голове, что такие страшные признаки могут иметь какое-то отношение к его Вере. Он поднял стакан, повертел его в руке, но, так и не выпив, поставил назад. Во рту у него пересохло.

– Каково лечение? – спросил он, хотя и так угадывал ответ по лицу Риттермана.

– Лечение пока не существует, Росс, – осторожно ответил его гость.

– Никакого? – с болью выдохнул Росс.

– Идут клинические испытания, но до сих пор ни одна фирма не выпустила на рынок специфического лекарства. Болезнь идентифицировали и включили в реестр всего восемь лет назад; количество заболевших в мировом масштабе пока невелико. В основном инфекцию подхватывают люди, которые приезжают в страны Юго-Восточной Азии из Европы, Соединенных Штатов и Австралии. Однако число заболевших все время растет. На сегодняшний день диагноз «болезнь Лендта» поставлен уже трем тысячам человек; ожидается, что за следующий год количество заболевших удвоится.

Росс вертел запонку на рукаве парадной рубашки.

– Из-за чего люди подхватывают инфекцию?

– Никто пока не знает. Возможно, причина кроется в загрязнении окружающей среды, из-за чего возникла новая разновидность вирусов. Возможно, восприимчивость к инфекции вызвана общим ослаблением иммунитета – антибиотики постепенно разрушают нашу иммунную систему и делают ее бессильной против ряда болезней.

Росс кивнул: данная теория была ему знакома.

Риттерман отпил немного виски и в упор посмотрел на Росса:

– Боюсь, Росс, шансы на выживание невелики.

– На... выживание?! – Росс вскочил. – Так эта болезнь Лендта смертельна?

– В подавляющем большинстве случаев.

Росс подошел к окну и стал смотреть на поток машин, ползущих по Веллингтон-роуд. Задние фонари, поворотники, фары казались грязными мазками краски на фоне мокрого асфальта. Лондонцы спешат домой, к нормальной жизни. Ему показалось, что рушится весь созданный им мир. Вера безнадежно больна! Вера, которую он любит сильнее, чем, как ему грелилось, вообще можно кого-то любить, и с которой он собирался прожить всю жизнь.

Безнадежно больна.

Им овладел внезапный приступ безотчетного страха. Росс повернулся к Риттерману:

– Джулс, прошу тебя, скажи, что я ослышался!

– Мне очень жаль, Росс.

– Ты абсолютно уверен в диагнозе?

– За него говорит все – вдобавок вы только что вернулись из Таиланда. Для перестраховки я послал пробы на анализ в три разные лаборатории, и все результаты совпадают. Но я буду рад, если ты заручишься еще чьим-нибудь мнением.

Росс почувствовал полное опустошение. В нем клубился темный ужас. *Ночные кошмары... Галлюцинации... Постепенное угасание моторных функций... Смертельно...*

Невозможно, чтобы такое случилось с его милой Верой!

Господи, ублюдок этакий, нет, не делай этого с ней – не делай этого с нами. Только не с ней! Она не заслужила!

Он чувствовал себя таким беспомощным.

– Джулс, мне необходимо узнать о ее болезни все, абсолютно все. Я хочу знать все то, что знаешь ты. Пожалуйста, предоставь мне все источники. Я хочу получить все крупницы информации, какие только есть в мире по этой сволочной болезни. Вера сильная, у нее бойцовский характер... Она справится!

Риттерман кивнул, но без особой уверенности.

– Что ты сказал ей, когда она была у тебя на приеме?

– Я сказал ей правду. – Риттерман пожал плечами. – Что у нее какая-то бактериальная инфекция, которую она, по всей вероятности, подхватила на отдыхе, – что-то желудочное.

– Так, значит, ей ничего не известно о твоём диагнозе «болезнь Лендта»?

– Пока нет.

Некоторое время Росс молчал – думал, прикидывал.

– Кто проводит испытания лекарства? – спросил он внезапно.

– «Молу-Орелан».

Американский фармацевтический гигант, фирма «Молу-Орелан» разработала огромное количество лекарственных препаратов и успешно продвигала свою продукцию на мировом рынке.

– Хорошая фирма, Джулс. Как можно устроить Веру на программу испытаний?

– Я уже связался с ними, – заявил Риттерман. – Хотя пока они не говорят ничего определенного, они дали понять, что достигли положительных результатов на второй стадии клинических испытаний.

Росс широко раскрыл глаза:

– Ну и?..

– Деталей не знаю, Росс.

– Ты ничего не слышал?

– Нет. Но...

– Пройдет много месяцев, прежде чем они перейдут к третьей фазе, – перебил его Росс.

– Да нет, они уже начали испытывать лекарство на добровольцах.

– Ты можешь включить ее в программу?

– У меня неплохие отношения с одним типом, который работает в их аналитическом отделе...

Снова помешав гостю договорить, Росс заявил:

– Не хочу, чтобы ей давали плацебо. Пусть получает настоящее лекарство.

Риттерман тоскливо улыбнулся:

– Надеюсь, мне удастся включить ее в программу клинических испытаний, но не могу гарантировать, что она будет получать именно лекарство. Тебе прекрасно известно, как все проходит. И никто не может такого гарантировать.

Когда лекарственные препараты испытывают на людях-добровольцах, пациентов, участников программы, всегда делят на две группы. Первая группа получает собственно лекарство, вторая – плацебо. Испытания проводятся вслепую, причем они бывают двух видов. В более

простых случаях врачу известно, кому дают лекарство, а кому – плацебо. Но если испытание проводится двойным слепым методом – а именно так проводят завершающую стадию экспериментов, – ни врачи, ни пациенты не знают, кто что получает. Ключ к кодам находится в руках немногочисленных руководителей эксперимента, сотрудников фармацевтической компании.

– Джулс, я хочу, чтобы ей давали не пустышку, а лекарство. Делай, что считаешь нужным. Наверное, как-то можно раздобыть настоящее лекарство и на третьей стадии испытаний. Может, ты нажмешь на нужные кнопки – включишь ее в список выдающихся пациентов?

– Сделаю, что смогу.

Росс медленно отошел от окна.

– Послушай, Джулс, окажи мне услугу – мне бы не хотелось, чтобы ты сообщал ей все подробности, понимаешь? Не говори ей, насколько серьезно она больна. Я сам все ей скажу в свое время.

– Разумеется. Но что же мне ей сказать?

Дрожащей рукой Росс вытащил из сигарной коробки на боковом столике гаванскую сигару и крепко сжал ее. Вместо ответа он прошептал:

– Джулс, она ведь не умрет. Мы обязательно ее спасем... Да?

Риттерман ответил беспомощной, растерянной улыбкой.

Росс оперся на подлокотник широкого кресла. По лицу у него текли слезы.

– Тебе придется помочь мне, Джулс. Без Веры я не могу жить. Мне не по себе даже тогда, когда мы несколько дней не видимся!

– Конечно, сделаю все, что в моих силах.

Росс вытащил носовой платок и промокнул глаза. Голос его дрожал.

– Пойми меня правильно, Джулс. Вера – ребенок. В эмоциональном плане она так и не стала взрослой. Она очень ранима, и ей нужна защита – которую я ей предоставляю.

– Росс, по-моему, ты ошибаешься. Твоя жена вполне зрелая, разумная женщина.

Шмыгнув носом, Росс возразил:

– Возможно, так она ведет себя, когда приезжает к тебе.

Риттерман улыбнулся:

– Я так не думаю.

Росс начал ногтем срывать сигарное кольцо. Без десяти семь, но сегодняшний ужин потерял для него всякое значение.

– Джулс, я знаю, что для нее лучше. Вряд ли ей пойдет на пользу, если она узнает, насколько серьезно она больна, – верно? Не стоит сообщать ей о ее состоянии – ни сейчас, ни потом.

– Хочешь, чтобы я ей лгал?

– Я не прошу тебя лгать; просто не нужно говорить ей всю правду. Господи! Раз мы пока не в силах ничего для нее сделать, по крайней мере, дадим ей иллюзию надежды.

– Ты ставишь меня в трудное положение.

– Джулс, ты ведь не скажешь правды больному с неизлечимой стадией рака, верно?

– Если он спросит меня прямо, я скажу ему все как есть. Постараюсь, так сказать, подать все как можно в более позитивном свете, но скажу правду.

Росс недоуменно уставился на друга:

– Мы ведь с тобой в хороших отношениях... Мы всецело доверяем друг другу. Пожалуйста, положиись на мое суждение о Вере.

Риттерман ответил ему таким же пристальным взглядом:

– Вера очень серьезно больна. Чего ты собираешься добиться, держа ее в неведении?

– А чего добился бы ты, открыв ей правду? Ты только запугаешь ее – а взамен не дашь никакой более или менее прочной надежды.

– Полагаю, когда пациенты знают правду, у них появляется время, чтобы подготовиться...

– К смерти?

– Да.

– Тебе не кажется, что ты пораженец?

– Я реалист.

– Какова первая заповедь врача?

Риттерман пожал плечами:

– «Не навреди».

– Совершенно верно. Если сказать человеку – особенно такому, как Вера, – что он скоро умрет, то он действительно умрет. Страх завладевает подобными натурами, и твои слова становятся самосбывающимся пророчеством. Если она ничего не будет знать, у нее появится больше шансов на выживание.

Риттерман посмотрел на друга. «Скорее это ты, Росс, не в состоянии справиться с реальностью», – подумал он и произнес:

– Я с тобой не согласен.

Не может быть, этого разговора между нами нет... Неправда! Росс закрыл глаза и несколько секунд тряс головой, словно ожидал, что Риттерман исчезнет, а весь их разговор окажется вымышленным.

Но Риттерман сидел на месте, и его спокойствие начало действовать Россу на нервы. Почему он, черт бы его побрал, может оставаться таким хладнокровным? Потому что Вера – всего лишь одна из сотен, а может, и тысяч пациентов, какие есть у Риттермана. *Вера Рансом*. Просто имя в списке.

Поймав неодобрительный взгляд Риттермана, Росс закурил сигару и выдохнул в потолок струю густого душистого дыма.

– Я ее муж. Думаю, ты согласен, что я имею полное право сам сообщить ей о ее состоянии?

– Разумеется, но, если она спросит меня прямо, я не смогу солгать ей.

– Тебе придется всего лишь сказать ей, что она подцепила вирус и что ты назначишь ей курс лечения. Все, конец.

– Что ж, – нерешительно проговорил Риттерман, – придется согласиться... по крайней мере, сейчас... но мне такое не по душе.

Росс, внутри которого вскипал гнев, встал и мрачно уставился на друга:

– Тебе не по душе? Мне тоже, Джулс. А знаешь, что еще мне, черт побери, не по душе? Мне не по душе мысль о том, что у моей жены болезнь Лендта. Так что, похоже, нам с тобой обоим придется смириться кое с какими вещами, которые нам не нравятся!

17

На экране телевизора – море людей, в основном девушек и молодых женщин; они издают дикие вопли. Росс, стоявшему перед телевизором, показалось, что там собрались все девчонки на свете. И вот из чрева «боинга» выходят четверо подростков – все в темных очках, со странными стрижками; все четверо широко ухмыляются, машут руками толпе, похожей на море огней.

Ведущий объявил: «Толпы фанатов сегодня утром едва не разнесли лондонский аэропорт Хитроу, когда «Битлз» вернулись домой из последнего американского турне».

Быстро подойдя к телевизору, его отец, Джо Рансом, нагнулся, щелкнул переключателем, и Битлы исчезли. В школе все только о Битлах и говорили. Один приятель Росса, Томас Нортон, притащил журнал «Нью мюзикл экспресс». Там было полно фотографий «Битлз» и «Роллинг стоунз». Некоторые его друзья повесили у себя в спальне над кроватью плакаты с изображением любимых групп. В спальне Росса, в их маленьком домике, стоящем в ряду таких же домиков в Стритэме, в Южном Лондоне, ничего подобного не было. Ему ничего не разрешалось. Во всем доме имелось всего две картины, вернее, репродукции: выцветшее изображение дома Анны Хатауэй² на лестнице и «Сток сена»³ в гостиной над электрокамином.

Когда экран потух, отец, в коричневом костюме, рубашке, галстук и коричневых кожаных туфлях – Росс каждое утро до блеска начищал их, – сел в кресло с газетой «Спортинг таймс», ручкой и оловянной кружкой пива. Откашлявшись, он вскрыл новую пачку сигарет с фильтром. В его присутствии комната сразу как будто уменьшалась в размерах. Гостиная и так была забита мебелью до отказа: трехместный диван из кожзаменителя, пианино и журнальный столик, уставленный призами, выигранными в дартс.

Росс стоял у кресла, наблюдал за ритуалом и ждал, когда настанет его черед исполнить свои обязанности. Сначала целлофановая обертка от сигаретной пачки аккуратно разглаживалась, затем перегибалась пополам, снова разглаживалась, снова перегибалась и так далее, пока ее нельзя было больше сгибать и отец не клал комочек на журнальный столик, который Росс, придя домой из школы, натирал, пока он не начинал блестеть, как зеркало – и как вся прочая мебель в доме.

Сияла и грива отцовских черных волос; он так набриллиновал их, что они прилипали к голове. Росс чувствовал запах лосьона для волос и слабый сладкий аромат мужской туалетной воды «Олд спайс», которой отец каждое утро обрызгивал лицо.

Настал черед золотистой фольги. Снова сосредоточенно, как человек, который делает главное дело своей жизни, Джо Рансом аккуратно разгладил фольгу и начал сгибать. Затем отец положил комочек фольги рядом с целлофаном и приступил к третьему этапу ритуала – извлечению и изучению призового вкладыша.

Дождавшись, когда отец чиркнет спичкой и закурит первую из десяти за сегодняшний вечер сигарет – он всегда выкуривал их ровно десять, ни больше ни меньше, – Росс унес фольгу и целлофан в кухню и выкинул в мусорное ведро. Потом он вернулся за вкладышами; не беспокоя отца, который начал заполнять купон тотализатора, отнес вкладыши на кухню и положил в белый кувшин с пробковой крышкой. В блокноте, лежавшем возле кувшина, он записал карандашом, который хранился здесь специально для этой цели, новую общую цифру: 437.

Каталог подарков, на которые можно было обменять вкладыши, лежал в кухне, на сосновой полочке над хлебницей, в которой хранились старые мамины кулинарные книги. В ката-

² Анна Хатауэй – жена Уильяма Шекспира. Дом, в котором она провела детство, является достопримечательностью Стратфорда-на-Эйвоне.

³ Имеется в виду, вероятно, знаменитый «Сток сена в Живерни» Клода Моне.

логе были и заманчивые вещи вроде удочек и велосипедов, и ненужный хлам – электрочайники и газонокосилки. Росс питал тайную надежду, что отец собирает вкладыши, чтобы купить ему новый спортивный велосипед «Синяя молния», который ему отчаянно хотелось заполучить.

Впрочем, он понимал: вряд ли такое возможно.

– Мальчи-и-и-ик!

Росс побежал в гостиную, напуганный интонацией отца.

Отец, побледневший от злости, указывал пальцем на пол. К своему ужасу, Росс увидел, что вызвало отцовский гнев: игрушечный автомобильчик «динки-кар», который валялся на боку у ножки кушетки.

– Почему он здесь валяется?

Росс молча смотрел на отца.

– Почему он здесь, мальчик?

Дрожа от страха, Росс ответил:

– Н-не знаю, папочка...

Зажав сигарету между большим и указательным пальцем, Джо Рансом поднес ее к губам, глубоко затянулся и, держа сигарету как дротик, энергично ткнул в сторону сына.

– Ты ведь знаешь, почему ушла мама, да? Она не могла выносить беспорядка, который ты устраивал повсюду. Она не могла видеть, в какой хлев ты превратил свою комнату, и натывалась на игрушки, что валялись по всему дому! Ты выгнал свою мать, Росс. Понимаешь меня?

Росс подобрал с пола автомобильчик и, опустив голову, затрясся от стыда и страха. Глаза его наполнились слезами.

– Принеси трость.

– Папочка, я...

– Трость!

Росс пошарил за пианино, вытащил тонкую бамбуковую трость и подал отцу.

– На колени!

Запихав машинку в карман шортов, Росс опустился на колени перед отцом и протянул ему руки ладонями вверх.

Отец поднимал трость и со всего размаху опускал – по шесть раз на каждую руку.

– А теперь убирайся к себе в комнату делать уроки.

Слезы градом катились по лицу; ладони онемели от жгучей боли. Росс поставил трость за пианино и вышел из гостиной.

Когда он поднялся по лестнице, боль стала нестерпимой; ладони жгло как огнем. Он поднял кисти рук, потом опустил; сжал-разжал кулаки, стараясь не обращать на боль внимания, прижал ладони друг к другу. Что угодно – все, что угодно! – лишь бы эта мука прекратилась. Ладони жгло, как будто он опустил их в кипяток или концентрированную кислоту. Тихо хныча, он услышал, как отец в ярости орет снизу:

– Ты ее выгнал, мальчишка! Помни это! Никогда не забывай!

18

Отпустив такси, Вера поняла, что здание центра действительно представляет собой бывшую церковь. Центр нетрадиционной медицины располагался в жилом квартале, на тихой улочке, подковой зажатой между двумя рядами викторианских домов, – внушительное, горделивое строение из красного кирпича, с горгульями и затемненными стеклами.

Она почти не знала района Уинчмор-Хилл. Он представлял собой красивый, уютный оазис на северной окраине Лондона, и казалось, что даже воздух здесь свежее, чем в центре. Вера вспомнила: пару лет назад она была где-то здесь на званом ужине, который устраивал довольно вульгарный музыкальный продюсер. За столом хозяин то и дело благодарил Росса за то, что тот наладил его интимную жизнь. Потом он настоял, чтобы его жена прямо за столом обнажила грудь и показала гостям, какой Росс великий хирург. «Он соорудил ей сиськи, – говорил продюсер. – Прежде-то у нее спереди вообще ничего не было, плоская как доска».

Подойдя к массивной дубовой двери, Вера прочла надпись на медной табличке: «Центр нетрадиционной медицины Кэбота». Ей стало не по себе. Она поглубже засунула руки в карманы, плотнее кутаясь в длинный плащ от порывов холодного ветра. Волосы били по лицу.

Пути назад нет, дорогуша!

И все же она понимала: она может, может развернуться, выйти на улицу, сесть в такси и уехать домой.

А что потом?

Вера толкнула дверь – та чуть приоткрылась. Осмелев, она распахнула дверь, вошла – и сразу удивилась. По контрасту с суровым фасадом внутри было просторно, современно и на первый взгляд очень красиво. Больше напоминает картинную галерею, чем медицинский центр: сосновый пол, белые стены, увешанные абстрактными картинами с изображением фигур, похожих на растения и насекомых, которые можно увидеть в микроскоп. Повсюду скульптуры, видимо не без умысла расположенные так, чтобы заполнить пустоты. В кронштейнах на стенах и в канделябрах горят толстые белые свечи. Из динамиков льется умиротворяющая, расслабляющая музыка в стиле нью-эйдж; ноздри щекочет приятный, но несколько назойливый аромат масел.

Прямо перед ней – стойка регистратуры; на хорошенькой молодой женщине с пышными, приглаженными гелем рыжими волосами – темно-синяя рубашка поло, на которой вышиты слова «Центр Кэбота». От сотрудницы центра веяло таким несокрушимым здоровьем и жизненной силой, что Вера сразу же почувствовала себя калекой. Женщина-администратор приветливо улыбнулась, сверкнув ослепительными зубами.

– Я к доктору Кэботу, – сказала Вера, разглядывая рекламные проспекты и брошюры на стойке.

– Вы записаны на прием?

– Да.

Рыжеволосая красавица спросила ее имя, затем указала на несколько стульев в стиле хай-тек, стоящих за стеллажом с цветущими комнатными растениями. В зоне ожидания уже сидели несколько человек.

– Туалет у вас есть?

– Да, прямо и направо.

Вера увидела указатель. Пройдя по коридору, она очутилась в просторном помещении, выложенном белой кафельной плиткой. Здесь тоже горели толстые белые свечи. Зайдя в кабинку, она присела на унитаз и закрыла глаза. Всю неделю ее одолевали приступы тошноты; они то ослабевали, то усиливались, а сейчас, видимо, брали реванш. Доктор Риттерман так ничего и не сообщил ни ей, ни Россу о результатах анализов. Почему? Неужели недели мало?

Интересно, что ей ответить, если Оливер Кэбот спросит, как она себя чувствует. Нет. Росс придет в ярость, узнав, что она прибегла к помощи нетрадиционной медицины.

А о том, что она здесь побывала, Росс обязательно узнает: он постоянно следит за ней, проверяет содержимое аптечки, высмеивает ее, когда она покупает разрекламированные витамины или пищевые добавки. Кроме того, он время от времени роется в ее сумках.

Вера опустила на колени перед унитазом; ее вырвало. Голова кружилась. Она долго не могла встать и сидела на полу, крепко вцепившись в сиденье. Ей казалось, что она вот-вот потеряет сознание.

Прошло несколько минут, и наконец ей немного полегчало. Она спустила воду, подошла к раковине, прополоскала рот. Придирчиво посмотрелась в зеркало, подмазала губы помадой, поправила волосы. «По крайней мере, – подумала она, – пока мне так плохо, Росс не заговаривает еще об одной пластической операции».

Она повернула голову направо и снова посмотрелась в зеркало. Шрам почти незаметен – и все же его можно разглядеть. И еще один такой же шрам с другой стороны, за мочкой уха, дюйма полтора длиной. След пластической операции, когда Росс приподнял ей скулы.

Днем, под слоем макияжа, шрамы совсем не видны. Только по ночам они проступают отчетливее. Росс уверял, что он их не замечает, и это самое главное. И все же крохотные шрамики раздражали Веру. Они постоянно напоминали о том, что лицо у нее не такое, какое было от природы.

Иногда Вере казалось: Росс нарочно сделал швы грубее, чем то было нужно; такие швы служили своего рода страховкой. Если он предложит ей очередную операцию, она не станет сопротивляться. Росс обещал, что во время следующей операции постарается уменьшить их. Под грудью у нее тоже следы швов – там он вставлял имплантаты. Увеличив ей грудь, Росс заявил, что уберет швы, когда Вера станет старше и ей понадобится подтяжка груди. Кроме того, он внушал жене: «Их ведь не видно никому, кроме меня, – так о чем волноваться?»

Вернувшись в зал ожидания, Вера присела на краешек современного дивана. Он оказался довольно удобным, чего не скажешь с виду. Перед ней располагался маленький японский садик с фонтаном; вода лилась на горку из круглых плоских камней. Она стала разглядывать остальных посетителей: истощенный мужчина около сорока, одежда висела на нем складками, глаза запали, – может быть, он болен СПИДом. Еще один мужчина, симпатичный с виду, который сосредоточенно работал на карманном компьютере; сидящая с закрытыми глазами полная темнокожая пожилая женщина, закутанная в нечто напоминающее пестрое одеяло инков; она держала на руках младенца, из носика которого торчала зеленая сопля. Еще одна женщина – молодая азиатка в полосатом костюме – читала журнал «Хелс энд бьюти»⁴.

Вера посмотрела на журналы, лежавшие на столике. Несколько брошюр, посвященных нетрадиционной и альтернативной медицине, и полный комплект рекламных листовок о Центре Кэбота. Потом она заметила журнал Научного общества гипнологов; на обложке приводился отрывок из статьи доктора Оливера Кэбота. Она взяла журнал и открыла страницы со статьей. Статья была озаглавлена «Ремиссия у онкобольных с помощью циркадного репрограммирования». Вера начала читать, но сосредоточиться было трудно. Где-то вдалеке тихо звонил телефон.

Перед поездкой сюда она долго выбирала, что надеть. Она решила выглядеть неформально, но не небрежно. Красиво, но не слишком. И остановила свой выбор на тонком сером кашемировом свитерке с воротником поло, черных замшевых джинсах, черных полусапожках и длинном верблюжьем пальто. Одевшись, Вера покрутилась перед зеркалом. Сегодня она выглядит совсем неплохо. И волосы лежат как надо. И цвет лица более или менее. Выглядит-то она хорошо, а вот чувствует себя плохо. Тошнота и нервы. Что ж, ладно!

⁴ «Health & Beauty» – «Здоровье и красота» (англ.).

На нее упала чья-то тень; на соседний диванчик уселась беспокойная женщина с двумя маленькими мальчиками – все трое с сильным насморком.

– Мама, – тут же заявил один из мальчиков, – я хочу в туалет.

– Ты был там полчаса назад. Потерпи...

– Миссис Рансом?

Вера повернула голову. Женщина в такой же, как у администратора, футболке приветливо улыбалась ей. Похожа на латиноамериканку. Лет тридцати с небольшим, короткие каштановые волосы; симпатичное лицо – и, как и у администраторши, такой здоровый вид, что просто нереально.

– Доктор Кэбот готов вас принять.

Сотрудница центра летела вверх по лестнице, как будто была невесома; Вера же чувствовала силу притяжения каждой клеточкой своего тела.

«Если его окружают такие вот сотрудницы, есть ли у меня хоть один шанс? – подумала она и тут же урезонила себя: – Не нужны мне никакие шансы. Это просто визит вежливости. Я пришла из-за тошноты – потому что мой врач до сих пор не может поставить мне диагноз. Вот и все. Вот почему я здесь».

Следом за женщиной она прошла по коридору мимо дверей с табличками «Кабинет релаксации» и «Кабинет гипнотерапии».

– Вера!

На пороге стоял Оливер Кэбот, в черной куртке, серой рубашке без ворота, черных брюках и замшевых ботинках. Он выглядел даже лучше, чем когда она видела его в последний раз, но казался более серьезным. Сейчас все было похоже на то, что она навещает Оливера Кэбота – врача, а не Оливера Кэбота – друга. И все же, когда Вера протянула ему руку, он посмотрел на нее, не скрывая радости. Когда она пожимала ему руку и взглянула в его крупное, лошадиное лицо под гривой спутанных седых кудрей, он весело, от всей души улыбнулся. И тут же все ее страхи растаяли и ей стало тепло и приятно.

– Вера! – повторил он, глядя ей прямо в глаза. (Ей показалось, будто она – самое важное в его жизни.) – Вера! Как отлично – просто не передать словами! Здорово, что вы пришли! Здравствуйте!

– Здравствуйте! – ответила она.

– Ну как вы?

– Спасибо, хорошо.

Вера не сразу осознала, что они слишком долго держатся за руки. Но ей показалось совершенно естественным стоять на пороге, впитывая теплоту его лучистых, сияющих серых глаз.

От радости ей стало легко и хорошо. Какое счастье – стоять рядом с ним! Такого чувства она не испытывала много лет.

Она чувствовала себя свободной.

19

Росс закончил обход пациентов дневного стационара и зашел в ординаторскую выпить чашку кофе. Комнатка была маленькая и узкая; по обеим сторонам вдоль стен стояли стулья. Кроме них, в ординаторской имелась еще кушетка. Томми Пирмен, его всегдашний анестезиолог, вошел следом за ним. Приземистый коротышка, похожий на мешок с картошкой, в хирургическом костюме он выглядел еще более бесформенным, чем был на самом деле. Овдовев, он с головой ушел в работу и в многочисленные хобби. Томми увлеченно коллекционировал предметы этрусского искусства, собирал старые машины, антикварные навигационные карты, учебники по медицине и, как ни странно, болезни. За много лет с помощью знакомых из медицинских кругов ему удалось собрать ужасающее количество бактерий и вирусов, которые он хранил в холодильнике в подвале своего дома в Кенте, больше похожего на баронский замок. Однажды, когда Росс и Вера у него обедали, он сводил Росса в свое хранилище и показал коллекцию.

Среди сотен аккуратно надписанных пробирок там имелись образчики культуры оспы, пять разновидностей вируса гепатита, вирусного менингита, сибирской язвы, бубонной чумы, а также штаммы лихорадки Марбург, созданные в Советском Союзе для бактериологического оружия: они буквально расплавляли внутренние органы. Росс спросил Томми Пирмена, не мучает ли того совесть из-за того, что он хранит у себя подобные вещи, особенно возбудителя черной оспы, которая, по официальным сведениям, давно искоренена. Пирмен ответил: ему спокойнее, когда он знает, что все эти страшные болезни собраны у него, в надежном месте, а не где-либо в другой части мира. Анестезиологом он был превосходным, и Росс всецело доверял ему, несмотря на то что Томми любил паниковать по пустякам. Вот и сейчас Пирмен явно нервничал.

– Только что осмотрел миссис Жарден, – заявил он. – У нее сильная простуда и кашель с мокротой. Я боюсь за нее.

Росс посмотрел свой список. Элизабет Жарден сегодня предстояла операция. Круговая подтяжка лица. Пятьдесят семь лет; замужем за кинопродюсером. В середине июля собирается уехать на три месяца в Лос-Анджелес. Славная женщина; она понравилась ему, когда впервые пришла к нему на консультацию. Ей очень хотелось успеть сделать операцию до поездки в Штаты.

Мысленно он просчитал время, которое уйдет на всех сегодняшних пациентов. После Элизабет Жарден – семилетняя девочка со шрамом от ожога на груди; потом еще один ребенок, девятилетний мальчик с кожным разрастанием на черепе, препятствующим росту волос; женщина с липомой на лодыжке; еще одна женщина с опухолью на лице; мальчик-подросток с деформацией полового члена – у него была болезненная эрекция после того, как во время обрезания ему удалили слишком много кожи. Работы много. И тем не менее Росс возразил:

– Мне бы не хотелось откладывать. Ей, конечно, следовало приехать к нам месяц назад, но месяц назад она заболела гриппом; она очень расстроится, если мы отложим операцию.

Пирмен покачал головой:

– По-моему, оперировать ее в таком состоянии опасно.

– Что, она настолько плоха?

– Да. Мне кажется, тебе стоит на нее взглянуть. Сам увидишь.

Обычно Росс доверял мнению Пирмена. Его сдерживало только беспокойство за Элизабет Жарден.

– Ладно, хорошо. Сейчас пойду осматриву ее.

Наливая кофе, он увидел на столе большой, наполовину съеденный морковный торт в коробке из фольги и сразу вспомнил о том, насколько голоден. Он сегодня оперирует с половины восьмого утра и даже не завтракал.

– Чье это?

– Сандра угощает – у нее день рождения. Тридцать семь. Она, конечно, выглядит моложе, но считает себя старухой, бедняжка.

Сандра Биллингтон работала главным администратором. Росс отрезал себе кусок. Торт оказался липким и крошился в руке.

– Я слышал, Сандра встречается с Роджером Хатоном. Знаешь его? Административный работник, бухгалтер. По-моему, зануда, но кто знает, – может, они друг другу подходят, – продолжал Томми Пирмен, который обожал «сватать» сотрудников и считался главным сплетником клиники.

Из-за маленького роста, полноты и стремления всем угодить Томми всегда напоминал Россу крысу Рэтти из «Ветра в ивах». Пропустив его замечание мимо ушей, как отметал он все слухи и сплетни, потому что они его не интересовали, Росс откусил кусок морковного торта и спросил:

– Томми, ты слышал о болезни Лендта?

Анестезиолог питал слабость к истории медицины. Он уже написал две книги о развитии современной медицины, а сейчас трудился над историей анестезиологии.

– Да. Как раз недавно я кое-что читал об этой болезни, кажется, в «Нейчер». Так, дай вспомнить... Вроде бы вирусного происхождения. Воспалительные явления... Поражает центральную нервную систему. Довольно редко встречается. Если хочешь, могу поискать дома.

– Буду тебе очень признателен. В Интернете масса сведений – я вчера всю ночь читал.

– Вообще говоря, болезнь довольно интересная, – с воодушевлением продолжал анестезиолог.

– Интересная?

Угадав неодобрение в голосе друга, Пирмен примирительно пояснил:

– Ну да. По-моему, все новые болезни очень интересны – медицина без них была бы скучной профессией. Кстати, почему тебя вдруг заинтересовала болезнь Лендта?

– Заболела... родственница моего друга.

– Посмотрю, что сумею отыскать.

– Буду тебе очень признателен, – повторил Росс.

Пирмен вдруг хлопнул себя ладонью по лбу и встревоженно заявил:

– Знаешь, до сих пор не понимаю, как такое могло произойти с Мэдди Уильямс.

– Угу. – Росс притворился, будто всецело поглощен тортом.

– Когда состоится слушание по делу?

– Недели через три.

– Что называется, не повезло. – Пирмен беспомощно пожал плечами. – В ее истории болезни не сказано, что у нее больное сердце, но лечащий врач написал тебе об этом, послал письменное предупреждение, которое почему-то до тебя не дошло. Я тоже понятия ни о чем не имел; в ее истории болезни ни слова не было о сердце. Она вполне могла умереть во время предыдущей операции под общим наркозом. Очевидно, в нашей системе произошел сбой, раз пропало важное письмо. Как по-твоему?

Росс искоса посмотрел на анестезиолога. Торт был вкусный; он отрезал себе еще кусок.

– Единственное, что тут можно предположить, но это только досужие домыслы, – продолжал Пирмен, – кто-то нарочно потерял письмо или стер его из памяти компьютера. Но мне не верится, чтобы кто-то из наших был способен на такое... А ты как считаешь?

Росс ничего не ответил.

20

Я думал, ты окажешься совершенством. Я думал, ты живешь в доме, где все сверкает белизной и нет ни пятнышка, а когда ты идешь, тебя окружает сияние. Я думал, ты одета в белые меха и целый день лежишь на белом диване, как та дама из рекламы по телику.

Дверь была приоткрыта, и мальчик заглянул в спальню. Он увидел женщину, которая лежала на спине, закинув ноги на спину мужчины; его костлявые ягодички двигались вверх-вниз между ее бедер. Лица мужчины он не видел, да и не хотел видеть. Мужчина не имеет значения. Важна женщина. Он увидел часть ее лица, и этого оказалось достаточно.

Ты бросила меня, потому что не могла выносить беспорядка, который я устраивал, а сама живешь как свинья и делаешь грязные вещи с мужчинами.

Ты бросила меня, и у тебя даже нет нигде на видном месте моей фотографии!

Держа в руке канистру с бензином, он на цыпочках отошел от двери и неслышно проник в гостиную. Телевизор работал, но звук был выключен. Интервью с участниками группы «Битлз». Несколько мальчиков в его школе тоже сделали такие стрижки «ступеньками».

Их небось не бросали матери!

В гостиной он тоже увидел грязные тарелки. Пепельница на полу была настолько забита окурками, вымазанными помадой, что некоторые вывалились на ковер. Возле них на блюде лежала опрокинутая чашка. У дивана стояла одинокая туфля на высоком каблуке, под журнальным столиком валялся чулок. Еще одна чашка; в остатках заварки плавал размокший бычок.

– Я сейчас... о господи, кончаю! – кричала женщина за дверью.

У него осталось всего несколько секунд. Ухватившись пальцами за тугую колпачок, мальчик открутил его и бросил на пол.

21

Оливеру нравилось наблюдать, как Вера осматривается в его кабинете. Одни люди, входя в незнакомое помещение, как будто не видят ничего вокруг. Вера, наоборот, замечала все – абсолютно все. Взгляд ее останавливался на предметах мебели, стенах, картинах, сертификатах и дипломах.

Он помог ей снять пальто; как приятно ощущать ее твердые плечи, вдыхать запах ее духов, которым повеяло от пальто. Сегодня она выглядит еще бесподобнее, чем во время их встречи неделю назад.

Он повесил ее пальто в шкаф за письменным столом, аккуратно разместил на вешалке, вдыхая аромат и тепло.

Когда он повернулся к ней, то увидел, что она разглядывает черно-белую фотографию Джейка на стене. Джейк в футболке с изображением Барта Симпсона сидит на транце яхты возле острова Каталины. Волосы взъерошены бризом. Он улыбается своей широкой, искренней, такой типично Джейковой улыбкой.

Вера думала: «Это его сын. Разумеется, он женат. И с чего я взяла, что он холост?»

Повернувшись к Оливеру, она увидела, что тот улыбается; но она успела заметить, что ему явно не по себе.

– Джейк, – сказал он.

– Ваш сын?

Он кивнул, сжав губы. Потом усадил ее на мягкий диван и спросил:

– Выпить хотите? У нас тут есть почти все.

Интересно, почему упоминание о сыне так расстроило его?

– Да, – проговорила Вера. Она помолчала, не зная, что выбрать, чтобы побороть тошноту. – Я бы выпила чая!

– Травяного? Зеленого? Обычного черного?

– Обычного, с молоком, пожалуйста.

Она села и стала рассматривать кабинет, пытаясь понять, каков характер его хозяина. Ей нравился интерьер: светлый, просторный, современная мебель, четкие линии. Не очень типичная обстановка для кабинета врача – пара больших растений в горшках, горизонтальные жалюзи, полузакрытые, чтобы с улицы не было ничего видно, древний антикварный череп на белом шкафчике с историями болезни. Несколько медицинских дипломов и сертификатов в рамках добавляют официальности. Согласно одному, он является членом Общества гипнотерапевтов. Еще Вера увидела несколько толстых незажженных свечей, ионизатор воздуха, карту рефлексолога в рамочке, красивую черно-белую фотографию Стонхенджа, подсвеченную лучами солнца, еще одну фотографию того же мальчика, одетого в костюм вампира, – наверняка его сняли перед тем, как он отправился пугать прохожих на Хеллоуин. Кроме того, Вера увидела старый большой бензонасос фирмы «Шелл» с патрубком.

Фотографии жены нет. Интересно почему?

Оливер снова улыбался. Он уселся на ручку кресла, стоящего напротив, скрестил ноги и стал покачивать ими. Как большой ребенок, подумала Вера.

– Итак, – спросил он, – ему понравился бумажник?

Вера ответила ему непонимающим взглядом:

– Бумажник? Какой бумажник? – Потом до нее дошло. – Ах да. Не знаю. Росс не увидит его еще две недели – до своего дня рождения.

– Счастливчик.

Вера криво улыбнулась. С бумажником что-нибудь, как всегда, окажется не так: либо слишком большой для карманов Росса, либо в нем не хватает места для его кредитных карточек, или он не точно того оттенка, который ему нравится. За двенадцать лет их брака Росс редко одобрял подарки, которые она ему делала. Но сейчас ей хотелось поговорить не о Россе, а о докторе Оливере Кэботе. Взглянув на фотографию мальчишки в костюме вампира, она спросила:

– Это тоже Джейк?

Снова та же гримаса у него на лице.

– Угу.

– Сколько ему?

Кэбот перестал покачивать ногами. Долгая мрачная пауза, а потом:

– Сейчас исполнилось бы шестнадцать.

Она ощутила, как к горлу подступает ком, – будто Кэбот передал ей свою боль.

– Извините, – сказала она. – Я не...

Оливер похлопал себя по ноге и встал.

– Не переживайте, ведь вам неоткуда было знать. У вас есть дети?

– Сын, Алек. Ему шесть лет.

Вошла секретарша – принесла чай для Веры и банку минералки для Оливера.

Вере очень хотелось узнать об умершем сыне, но Оливеру явно не хотелось говорить о нем. Когда секретарша ушла, она попыталась навести его на разговор о нем самом:

– Чем занимается ваша жена?

– Марси писательница – она работает в Лос-Анджелесе, пишет сценарии для телесериалов, но мы... – Он беззлобно поморщился. – Скажем так: мы с ней живем на одной планете, и больше нас ничто не объединяет. – Помолчав, он добавил: – Мы разведены.

– Извините, – повторила Вера.

Он спрыгнул с ручки дивана и сел на сиденье.

– Знаете, Вера, к какому я пришел выводу? Счастливы те, кто меняется вместе. Но в большинстве случаев все происходит по-другому. Супруги продолжают жить вместе либо ради детей, либо из страха остаться в одиночестве и прожить остаток дней своих в тихом отчаянии. В противном случае они расходятся. Тогда их можно назвать смельчаками. – Он уныло улыбнулся. – Именно так я твержу себе. – Некоторое время он помолчал, а потом сказал: – Трагедия может сблизить людей, но иногда она их разделяет. – Оливер скрестил ноги, потом наклонился вперед и дотронулся до носков кроссовок да так и остался – как свернутая пружина. – А вы как?

– Наверное... я принадлежу к категории тех, кто живет в тихом отчаянии.

– Вы не обидитесь, если я спрошу: почему?

Она бы с радостью выложила ему все, но внутренний голос подсказывал: «Не здесь, не сейчас... Сейчас не время! Еще слишком рано!»

В дверь просунулась голова секретарши.

– Извините, что помешала, доктор Кэбот. Звонит миссис Мартинс. Хочет срочно рассказать вам о своих зрительных образах.

Оливер поднял глаза:

– В третий раз за сегодняшнее утро! Тина, я ей перезвоню.

– И еще звонила репортер из «Дейли мейл» – ее зовут Сара Конрой. Они делают цикл репортажей о лондонских центрах альтернативной медицины. Она говорит, что уже брала у вас интервью, когда работала в журнале «Фокус». Я обещала, что вы ей перезвоните, – ей необходимо поговорить с вами до четырех.

– Да, конечно, – напомните мне.

Она вышла, и Оливер сдернул кольцо с банки. Часть воды выплеснулась на столешницу. Отпив большой глоток, он вытер губы тыльной стороной ладони.

– Интересно, – сказала Вера, – зачем тут бензонасос?

Он повернулся, оглядел насос фирмы «Шелл», как будто совершенно забыл о его существовании.

– Я увидел его в магазине подержанных вещей. По-моему, он здесь именно потому, что в нем нет никакого смысла. Мы слишком цепляемся за смысл, значение. А мне нравится спонтанность, иррациональность. Я каждый день стараюсь делать что-то иррациональное, бессмысленное. А вы иррациональны, Вера?

Раньше Вера считала себя сумасбродкой; она часто совершала бессмысленные поступки. Ей очень нравилось «Шоу Монти Пайтона» – она не пропускала ни одной серии. Она попыталась вспомнить последний свой иррациональный поступок и с ужасом поняла, что уже много лет не делала ничего просто так, для смеха. Много лет прошло с тех пор, как она расстегнула молнию на брюках Росса, когда он сидел за рулем – они тогда мчались по немецкому автобану. Однажды вечером она украла из фойе отеля огромную тяжелую бронзовую пепельницу – прямо из-под носа у ночного портье – и запихнула ее в чемодан. Когда-то она спяну звонила посреди ночи людям со смешными фамилиями, например Вонинг, и говорила: «Здравствуйте, мистер Вонючка!» – и умирала со смеху.

Но в жизни Росса бессмысленности не было места.

Господи, какая серьезная жизнь пошла у нее сейчас!

– Мне никогда не хотелось стать взрослой, – призналась она.

Оливер слегка ссутулился и подарил ей лучезарную улыбку:

– Иногда мне кажется, что жизнь слишком коротка для того, чтобы вырасти. В глубине души я хотел бы остаться ребенком. Почему-то у меня такое чувство, будто и вы в глубине души по-прежнему ребенок.

– Хотелось бы, – вздохнула Вера.

– Вы бы именно этого попросили, если бы могли исполнить одно свое желание? – спросил он. – Вернуться в детство?

– Нет. Я бы хотела вернуться в возраст постарше – может быть, лет в двадцать.

Судя по ее воспоминаниям, тогда она была счастлива – в те ранние дни, когда Росс за ней ухаживал; какое *странное* слово! Да, тогда она действительно была счастлива, влюблена и впереди у нее была вся жизнь.

Их прервала настойчивая трель телефонного звонка. Оливер покосился на свой письменный стол. Вера поняла, что звонок доносится из ее сумочки. Смутившись, она вытащила «Нокиа» и посмотрела на дисплей. Росс звонит из клиники. Она нажала кнопку «Отбой» и швырнула телефонный аппарат обратно в сумку, сама себе удивляясь. И как у нее хватило смелости на маленький акт неповиновения? Вечером Росс устроит ей дикий скандал, но сейчас ей все равно.

Сейчас ей на это наплевать.

22

– Сюда я почти всегда выхожу в обед, – сказал Оливер.

Вдалеке раскинулись крыши домов; под угрожающе-черным небом они расплывались бесформенной черной массой. Суровый ледяной ветер трепал волосы, задирап пальто, но Вера почти ничего не замечала, шагая с Кэботом по тропинке среди могильных плит.

Оливер, в длинном черном пальто, нес маленькую сумку-холодильник, в которой поместились их бутерброды и две бутылки минеральной воды. Он шел мерным шагом, не торопясь. Вера читала имена, выбитые на могильных плитах. *Мэри Элизабет Мэйнуоринг, любимая жена, 1889–1965. Гарольд Томас Сагден, 1902–1974. Уильям Персиваль Лидбеттер, 1893–1951. Покойся с миром в Царствии Небесном.*

Она подняла глаза на своего спутника:

– Вас привлекает смерть?

Он остановился и показал на могильную плиту Уильяма Персиваля Лидбеттера:

– Знаете, что меня привлекает? Тире. Маленький знак препинания между двумя датами. Я смотрю на чью-нибудь могилу и думаю: тире вмещает в себя всю человеческую жизнь. Мы с вами прямо сейчас проживаем наши тире. Не важно, когда человек родился или когда умер; важно, что он делал между этими двумя событиями. А здесь, на кладбище, мы видим только тысячи безымянных тире, и мне делается грустно.

– По-вашему, нужно выбивать на надгробиях всю биографию умершего человека? А может, какую-нибудь видеоголограмму, представляющую все достижения покойного, которую могут разглядывать посетители кладбища?

– Нет, можно придумать что-нибудь получше, – бросил Оливер, не останавливаясь.

– Вы часто думаете о своей смерти?

– Я стараюсь думать о жизни. Пытаюсь сообразить, как мне поступить со своим тире, чтобы жизнь прошла не зря. Я... – Он вдруг осекся, и они некоторое время брели вперед, не разговаривая. Наконец Оливер нарушил молчание: – Когда теряешь близкого человека, понимаешь, насколько мы беспомощны. Мы запустили человека в космос, мы скоро расшифруем структуру ДНК человека, мы можем на плоту переплыть океан с крошечным эхолотом и скоро, наверное, сможем вызывать дождь по своему желанию. Но многие болезни до сих пор одерживают над нами верх. – Он постучал себя по черепу. – Мы обладаем способностью победить любую болезнь; нужно только найти способ обуздать силу, заключенную вот тут.

– Я тоже так думаю, – согласилась Вера. – Правда, что мы используем лишь малую часть мозга – кажется, процентов двадцать?

– Процентов двадцать от того, что нам известно. Но мы не знаем, что еще заключено внутри нас и откуда мы можем черпать силу.

– Другое измерение?

Они подошли к скамейке.

– Неплохое место, чтобы посидеть, – заметил он. – Вам не холодно?

Вера замерзла, зато благодаря холодному воздуху – а может, обществу Оливера – прошел приступ тошноты.

– Нет, мне хорошо.

Оливер достал из сумки сэндвич с тунцом и, передавая ей, сказал:

– Наверное, лучше было бы пригласить вас в какой-нибудь модный ресторанчик. Но...

– Нет-нет, я рада, что мы пришли сюда.

Вера не шутила. С каждой минутой, проведенной в обществе Оливера Кэбота, ей становилось все спокойнее, уютнее. Он все больше привлекал ее. Она чувствовала себя очень свободно.

Когда она разворачивала целлофановую обертку, снова зазвонил телефон. Она посмотрела на дисплей: вдруг Алек из школы. Но оказалось, что ей снова звонит Росс. Она снова нажала кнопку «Отбой» и бросила телефон в сумку.

– Где вы жили в Штатах? – спросила она.

– В Лос-Анджелесе.

– А в Англии вы давно?

– Семь лет, скоро будет восемь. – Он разворачивал сэндвич.

«Пальцы пианиста», – подумала Вера, наблюдая за ним. Внезапно она поняла: в этом мужчине ее привлекает все, даже то, как он разворачивает сэндвич.

– Я приехал сюда, чтобы убежать от воспоминаний о сыне. В Калифорнии мне не было покоя. И знаете, оказалось, мне здесь хорошо. Надо только перенастроить мозги так, чтобы вытерпеть здешнюю погоду.

Она рассмеялась:

– То есть, когда ветер пробирает до костей, вы внушаете себе, что дует приятный теплый ветерок?

– Примерно.

Она наконец сорвала обертку со своего бутерброда.

– От чего умер ваш сын?

– От лейкемии. У него оказалась тяжелая форма болезни. Я знал, что средствами обычной медицины Джейку не помочь, но жена отказалась подвергать его нетрадиционным методам лечения, потому что считала: это все равно что ставить на карту жизнь ребенка. – Оливер криво улыбнулся. – После его смерти я бросил врачебную практику; в обычной медицине слишком многое не имеет ничего общего с заботой о больном. Современная медицина сама посадила себя в клетку, и я решил посвятить жизнь ее высвобождению.

– Что за клетка?

Тишину внезапно нарушил стрекот подлетающего вертолета. В тот же миг телефон Веры зазвонил снова. Бросив на Оливера виноватый взгляд, она вытащила мобильный из сумочки.

– Хочу убедиться, что с сыном ничего не случилось, – пояснила она.

Номер звонящего на дисплее не определился.

Она нажала на зеленую кнопку ответа.

– Какого черта ты сбрасываешь мои звонки? – гневно прокричал Росс.

Прямо над головой пролетел вертолет.

– Я тебя не слышу! – крикнула она.

Голос Росса стал на несколько децибелов громче.

– Вера, пожалуйста, скажи, где ты и что делаешь.

– Я в Лондоне!

– Где именно?

Она помолчала.

– В Найтсбридже, – выговорила она наконец.

– Что там за шум?

– Вертолет.

– Почему ты мне не сказала, что собираешься в Лондон? Мы могли бы куда-нибудь сходить вечером. В Ковент-Гардене сегодня дают «Сильфиду».

Интересно, что у Росса на уме: раньше он не выказывал ни малейшего интереса к балету.

Шум вертолета постепенно стихал.

– Так вот, взяла и поехала. Надо было купить для тебя подарок на день рождения.

– Напрасно ты мне не сказала о своих планах. Вера, мне не нравится, когда ты что-то от меня скрываешь. Тебе ведь это известно, правда? Мне всегда нужно знать, где ты, потому что я тебя очень люблю, милая.

– Я собиралась поехать в следующий понедельник, но тогда пришлось бы пропустить заседание комитета против строительства гольф-клуба.

– К черту комитет! Как Алек попадет домой после школы?

– Сейчас каникулы. Он у Нико Лоусона.

– Вчера он тоже был в гостях. Вера, тебе нужно побольше бывать с ним. Ему, наверное, неприятно все время проводить у чужих людей.

«Ах, лицемер проклятый! – думала она. – Сначала говоришь, что мы могли бы переночевать в городе, и тут же упрекаешь меня за то, что я не сижу с Алеком дома. Я всегда сижу дома с Алеком. Вот почему я не сделала карьеры». Кипя от гнева, она покосилась на Оливера. Тот сворачивал целлофановую обертку в крошечный шарик.

– Он сам так решил, – сказала Вера, изо всех сил стараясь сохранить невозмутимость. – Его пригласили, и, кстати, у Нико сегодня день рождения. Весь завтрашний день я проведу с Алеком. Наверное, съездим в Торп-парк.

– В последнее время ты все чаще бросаешь его.

Она снова покосилась на Оливера; ей стало неловко.

– Я так не думаю. Как у тебя дела?

– Хорошо. Вера, с кем ты там?

– Ни с кем. Одна.

– Надеюсь, ты говоришь правду.

– До завтра! Позвони мне домой, попозже.

– Мне не нравится твой тон.

– Здесь плохая связь.

– Связь отличная. А вот у тебя голос какой-то не такой. Не такой, как обычно.

– Я... неважно себя чувствую.

Последовала долгая пауза. Вера покосилась на Оливера, который вертел в руках бутерброд, как будто изучая его.

– Любимая, прошу тебя, расскажи: что ты чувствуешь?

– Просто чувствую себя неважно.

– Как именно?

– Как всегда.

– Тошнит?

– Да. Не понимаю, почему Джулс Риттерман до сих пор не звонит. Тебе он ничего не говорил?

Отчего-то ее последний вопрос успокоил Росса.

– Джулс? Нет. Я сам ему дозвонюсь, добьюсь от него... Я люблю тебя, Вера. Я правда очень тебя люблю, милая. Ты ведь знаешь, правда?

– Да.

– Я перезвоню тебе попозже. Я тебя люблю.

– И я.

– Скажи, что любишь меня.

– Конечно, ты ведь знаешь, – примирительно ответила Вера.

– Нет, скажи сама. Скажи мне, Вера!

Еще один быстрый взгляд в сторону Оливера, потом напряженно:

– Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю.

Росс отключился.

Вера кинула телефон в сумку. Оливер посмотрел на нее:

– Извините. Надеюсь, из-за меня у вас не будет неприятностей?

– Нет. – Вера пожала плечами. – Просто... мой муж такой собственник!

– Его трудно винить. Наверное, я бы тоже стал жутким собственником, будь вы моей женой.

Она поспешно отвела взгляд; лицо залилось краской, но она улыбалась.

– Вам правда нехорошо?

– Мне... прекрасно!

Он засмеялся:

– Знаете, однажды я услышал замечательное определение зануды. Зануда – человек, который лишает вас одиночества, не обеспечивая обществом. По-моему, так можно описать множество браков.

– Росс не зануда и никогда им не был, – горячо возразила Вера и сама себе удивилась: почему она так рьяно защищает мужа?

– Не обижайтесь... я вовсе не имел в виду...

– Ничего, все в порядке. Я хотела сказать...

Вера не знала, почему вдруг кинулась на защиту Росса. Она вовсе не хотела говорить ничего подобного. Как будто тень Росса окутывала ее... Темный страх, от которого она никогда не сможет освободиться, – не важно, насколько она от него далека. Во многом она боялась за Алека. Страшно представить, как их развод отразится на мальчике! Росс будет использовать сына как заложника и постарается не выпустить его из своих когтей. Это гораздо, гораздо страшнее, чем мысли о том, что Росс может сделать с ней самой!

Оливер принялся за бутерброд. Она опустила голову и посмотрела на свой сэндвич, но аппетит пропал.

– Я хочу сказать, – продолжила она, – Росс не зануда, но это не значит... – Голос ее прервался.

– Не значит?... – эхом отозвался Оливер.

Вера улыбнулась:

– Расскажите о себе. Расскажите о вашей жизни после развода.

– Что ж. – Он смущенно и лукаво улыбнулся. – Я храню целибат.

– Серьезно?

– Восемь лет. Так что, если ваш муж будет ревновать, скажите ему. Я говорю правду.

– Почему? – спросила Вера. – У вас есть особая причина или вы просто не встретили никого?

– Знаете, что такое цинь-ци?

Вера покачала головой.

– Так китайцы называют сексуальную энергию. Они верят: если управлять этой энергией, сохраняя целибат, она превращается в высшую энергию, которую можно применять на духовном уровне для целительства. Я хотел попробовать сконцентрироваться и достичь высших уровней сознания. Я много учился и подсчитал: это именно то, что нужно. И я принял решение. Кроме того, я еще не встречал женщины, которая заставила бы меня захотеть пересмотреть свое решение, – он снова повернулся к Вере, его лучистые серые глаза смотрели на нее в упор, – до тех пор, пока не встретил вас.

23

Она была страшно изуродована. Оборвался ремень безопасности в древней плохонькой русской машине, принадлежавшей ее матери, и девушка на скорости сорок миль в час вылетела из машины головой вперед, пробив последнее на планете Земля ветровое стекло, изготовленное по старым технологиям. «Она бы пострадала меньше, – подумал Росс, – если бы угодила под лопасти косилки».

Ли Филлипс была совсем молоденькой. Она ослепла на один глаз; у нее срезало почти весь нос, губы и подбородок. Лицо, покрытое багровыми шрамами, выглядело так, словно его собрали из осколков. Ли Филлипс сидела в кресле перед столом хирурга и, перед тем как ответить на очередной его вопрос, неизменно оглядывалась на мать, которая устроилась подальше, на диване.

Даже Росс, привыкшего за долгую практику к ужасным зрелищам, при виде этой девушки пробрал озноб. Он изо всех сил старался демонстрировать уверенность и профессиональное хладнокровие – и больше ничего.

Его кабинет также располагал к спокойствию и уверенности. Он был обставлен в том же мужском стиле, что и кабинет у него дома. Обстановка богатая: темное дерево, кожаная мебель, картины с изображением морских сражений, книжные полки, уставленные медицинскими трактатами в кожаных переплетах; на белом дорическом постаменте – мраморный бюст Гиппократ.

– Ли, когда вы родились? – спросил он.

Девушка привычно оглянулась на мать, сжимавшую в руках большой коричневый конверт. Мать ответила за дочь робким, нервным голосом:

– В восемьдесят третьем году.

Росс вписал дату рождения в историю болезни ручкой «Монблан».

– Почему вы решили обратиться именно ко мне?

Ли опять предоставила отвечать матери.

– Наш лечащий врач дал нам целый список с фамилиями пластических хирургов. Муж отыскал сведения о вас в Интернете; по его мнению, вы лучше всего подходите для того, что нужно Ли. – Она ломала руки; на лице застыла жалкая улыбка, отчаянная мольба о помощи.

Росс бросил взгляд на лежащий на столе карманный компьютер. Десять минут четвертого. Исподтишка нажал на кнопку «Организер». Ли и ее мать – последние пациенты, которые сегодня записаны на прием; в четыре он должен возвращаться в операционную. Трудно сосредоточиться, когда все его мысли об одном – о Вере. Где она, черт ее побери, шляется сегодня?

В Лондоне.

Нет, ни в каком ты не Лондоне. Врешь, стерва! Где же ты на самом деле, Вера? Лучшие тебе самой признаться, потому что я так или иначе все выясню!

Чтобы сосредоточиться, он перечитал историю болезни.

– Ясно, в Интернете. – Записав ответ, он поднял голову. За долгие годы работы пластическим хирургом он овладел искусством смотреть на любого пациента, вне зависимости от того, насколько тот был изуродован или искалечен, не выдавая своих эмоций. Скрестив руки на груди, он подался вперед. – Итак, Ли, скажите, чего конкретно вы от меня ждете?

Мать кивнула девушке, чтобы та говорила.

– Я хочу выглядеть как раньше.

– Ли была моделью, – пояснила мать, – работала в модельном агентстве высшего класса. В июньском номере журнала «Севентин»⁵ с ней целый разворот. Все говорят, у нее был... я хотела сказать, есть талант для того, чтобы взобраться на самый верх.

Глаза всех троих на мгновение встретились – словно вспыхнула молния.

Мать встала и протянула Россу конверт, который до того крепко сжимала в руках.

– Вот... ее снимки.

Росс вскрыл конверт и вынул оттуда несколько профессионально снятых фотографий потрясающе красивой молодой брюнетки. Несмотря на весь его опыт, даже ему трудно было поверить, что на фотографиях и за его столом – одна и та же девушка; как же ей, бедняжке, не повезло! Видимо, ее кое-как, наспех, зашивали какие-нибудь горе-костоправы в отделении скорой помощи. Того, кто занимался ею сразу после катастрофы, нельзя назвать врачом. Жестянщик, настоящий жестянщик!

Положив фотографии на стол, он посмотрел сначала на мать, а потом на дочь. Как можно мягче он сказал:

– Ли, мне кажется, я смогу вам помочь, но потребуется много времени и несколько операций. Не могу стопроцентно гарантировать результат, и очень важно, чтобы вы обе это понимали.

– Доктор, как она будет выглядеть после операции? – взволнованно спросила мать.

Росс ничего не ответил, но подумал: не слишком. Возможно, он слегка подправит личико девушки, но на ее карьере модели можно ставить крест.

Потом он объяснился с пациенткой и ее матерью, а в голове крутилось: «Вера, дрянь такая, ты и не создаешь, как тебе повезло! Я сделал тебя красавицей. Я мог бы с таким же успехом превратить тебя в такое вот страшилище».

Когда мать и дочь выходили из кабинета, девушка рыдала. Подросткам ее возраста трудно смириться с тем, что в ближайшие два года придется перенести десять операций. Но важно, чтобы и она, и ее мать знали, как обстоят дела: нужно много мужества, чтобы пройти испытание, которое в скором будущем предстояло Ли. И меньше всего Росс хотел, чтобы пациентка и ее родственники оказались разочарованными и недовольными конечным результатом.

Росс закрыл дверь и попросил секретаршу несколько минут ни с кем его не соединять. Он развернулся к компьютеру, ввел команду, затем пароль. Через несколько секунд он соединился с домашним компьютером, стоящим в его кабинете в Суссексе. Вскоре перед ним на мониторе возник список всех звонков, сделанных и полученных Верой за последние семь дней. Один щелчок мыши – и он может прослушать любой из них.

Ладно, сука этакая, сейчас посмотрим, с кем ты болтала в последнее время!

⁵ «Seventeen» – «Семнадцать» (англ.).

24

– Мне пора.

Веру терзали угрызения совести: несколько часов, что она провела с Оливером Кэботом, она даже не вспомнила об Алеке. Как будто она мигом сбросила четырнадцать лет и вернулась в то время, когда впереди у нее была вся жизнь.

Когда она допивала капучино, оттаивая после холода, открылась входная дверь. Она настороженно оглянулась, возвращаясь в реальный мир. Парень и девушка лет двадцати. Незнакомые. Она расслабилась.

В кафе слышался бодрый гул голосов; сразу вспомнились студенческие годы. Пластиковые столы, клубы сигаретного дыма, запах густой мясной подливки. Некоторые посетители сдвинули столики и болтают. Всякий раз, как открывается дверь, хлопают газеты в деревянных газетницах.

Пять минут четвертого. На то, чтобы добраться до вокзала Виктория, нужно минут сорок, а то и больше; полчаса на «Гэтвик экспресс» и еще двадцать пять минут езды от станции до дома. По ее прикидкам, дома она окажется не раньше половины шестого. Как раз вовремя, чтобы поужинать с Алеком.

У Оливера, сидевшего напротив, волосы от ветра растрепались еще больше.

– Вы давно проходили полное медицинское обследование? – спросил он.

Вера вспомнила, как он рассматривал ее ладонь в кафе магазина «Дженерал трейдинг компани».

– Вообще-то, недавно.

– Рад слышать. Все нормально?

Она ответила не сразу.

– Пока не знаю... сдала несколько анализов.

– Надеюсь, вы простите мое...

– Да. – В тепле, в облаках сигаретного дыма вернулась тошнота, но она не хотела ему признаваться в том, что ей нехорошо. – Я рада, что прошла обследование. Я... давно уже не проверялась.

– И как? Все в порядке?

Вере не хотелось рассказывать ему о своей депрессии, не хотелось показывать свои изъяны.

– По-моему, есть такое выражение: «в добром здравии».

В его глазах она ясно разглядела сомнение – а может, ей так только показалось?

– Хорошо. Я рад. – После долгой паузы он сказал: – Знаете, Вера, я правда очень рад, что вас увидел.

– Спасибо. Мне тоже было очень приятно.

– Мы увидимся снова?

Веру так влекло к нему, что стало страшно; вместе с тем влечение подхлестывало ее. Она понимала, что должна ответить отказом, но, к собственному изумлению, вдруг услышала, как говорит:

– Да... я с удовольствием.

– Сумеете выбраться завтра?

– Сейчас школьные каникулы, и я на целый день везу развлекаться сынишку и двоих его друзей.

– А на той неделе?

– Пожалуй, лучше договориться по телефону, – нехотя ответила Вера. – Надо посмотреть ежедневник... Я состою в разных общественных комитетах... а в среду у Росса день рождения.

Ею овладели дурные предчувствия. Если Росс узнает об их свиданиях, он вышвырнет ее, запретит видеться с Алеком...

Оливер, широко улыбаясь, воздел руки:

– Ладно, когда вам будет угодно. Выкроите немного времени, когда получится, и звоните. Просто знайте: мне очень хочется снова вас увидеть. Ладно?

Когда она вышла, ветер швырнул пряди волос ей в лицо, а потом словно проник внутрь и закружился в животе. Стало так холодно, что она едва не закричала. Тошнота подкатывала к горлу. Казалось, вся улица сорвалась с места, как будто кто-то обрезал невидимые канаты. Качнулся, приближаясь к лицу, тротуар.

Она смутно чувствовала руку Оливера, схватившую ее, – сильную, уверенную руку. Его лицо превратилось в искаженное, размытое пятно. Она услышала его бесплотный голос:

– Вера? Господи. Вера!

Он помог ей встать на ноги; она стояла пошатываясь, опираясь на него, – он поддерживал ее за талию. Она глубоко дышала, чувствуя, как ветер холодит пылающее лицо, и смотрела на него – разглядывала глубокие складки, словно углем нарисованные под глазами.

– Хотите вернуться? – спросил он.

– Нет, мне уже лучше, только... холодно...

– Давайте вернемся в кафе, посидим там еще несколько минут.

– Нет-нет, мне правда лучше. Мне пора домой. Вы не вызовете мне такси? Со мной все будет в порядке, честно.

– В такси я вас не отпущу. Я сам вас довезу.

– Спасибо, не надо. Мне правда лучше.

Ей стало чуточку легче – но вдруг за глазами яблоками взорвалась ослепляющая боль, как будто ее ткнули кинжалом в голову. Веру настиг новый приступ тошноты, и она крепко схватила Оливера за руку. По горлу поднималась желчь. Вокруг все снова стало размытым. Ноги у нее подкосились.

Сиденье в салоне темно-синего джипа Оливера было мягким, как кресло. Вере казалось, будто она покачивается на волнах. Она слушала уверенное рычание дизельного двигателя, жужжание вентилятора, ощущала теплую волну воздуха. Из магнитолы доносится негромкая музыка – Моцарт. Вера сосредоточилась на главном: нельзя допустить, чтобы ее сейчас вырвало.

Нельзя! Нельзя! Нельзя!

Оливер переключил передачу, сбоку замелькали огни.

– Вера, что сказал вам врач?

Звонок. Ее мобильный. В сумке. *Что сказал врач? Ничего.* Телефон еще звонил. Она нащупала молнию, рванула ее, порылась в сумке, достала телефон, посмотрела на дисплей.

Опять Росс.

Выключила телефон, бросила его в сумку. Речь давалась ей с трудом.

– Я... очевидно, что-то подцепила... в Таиланде... Там много всяких бактерий... В общем, все нормально.

– Нормально?! Черта с два!

Он нажал на тормоз, остановившись на красный сигнал светофора в коридорчике между двумя громадными внедорожниками. Вера слышала рев их двигателей, чувствовала, как они вибрируют, сотрясая весь ее мир. Оливер такой сильный, с ним так хорошо. Вдруг ее затопил глубокий, ужасный страх, темнота, как лужа чернил, пропитавшая промокашку. Что с ней? Кроме всего прочего, она боялась гнева Росса. А темно-синий джип, ставший ее временным убежищем, скоро доставит ее на вокзал Виктория, к поезду, который отвезет ее домой.

К поезду в ад.

25

Бензин выплескивался из горлышка канистры неравномерно. Заволновавшись, Росс принялся раскачивать, наклонять канистру в разные стороны, чтобы вылить все до конца. Вонь становилась все сильнее; пары бензина жгли глаза. Он плеснул на диван, ковер, на обеденный стол. Потом, оставив за собой коричневую дорожку, пятась, вышел в коридор и продолжал лить бензин до самой кухонной двери.

Теперь в спальне возился и сопел мужчина. Росс слышал скрип пружин; мужчина стонал все громче и громче.

Не переставая лить бензин, он вернулся к двери в спальню. Прикинул, как надо расположить канистру, чтобы бензин тонкой струйкой полился через дверную щель. Поставил канистру на бок.

Канистра гулко ударилась об пол; струйка коричневой жидкости полилась под дверь – прямо в спальню. Но удар заглушал шум, производимый мужчиной.

– Да! – кричал он. – Да, да, да!

Росс через кухню отступил к двери. Выждал как можно дольше и попытался достать из кармана спички.

Последнее действие он не отрепетировал. Резиновые перчатки прилипли к подкладке брюк.

Только не это!

Распсиховавшись не на шутку – вокруг ужасно воняло бензином, – он сорвал с руки перчатку, пошарил в кармане и выудил оттуда коробок. Когда он открыл его, несколько спичек упали на пол. Он опустил на колени, чтобы собрать их, – высыпались все остальные.

Вдруг до его ушей донесся удивленный вскрик:

– Эй! Господи, какого черта...

Дверь со стуком распахнулась. Шаги...

Нет времени смотреть, нет времени ничего предпринимать – только чиркнуть спичкой, поджечь...

Пшшшшшшш!

Скорость, с какой пламя распространилось по полу, застигла его врасплох. Он поднял голову как раз вовремя – на один короткий миг он увидел в коридоре фигуру голого мужчины. В следующее мгновение, взревев от боли и страха, мужчина превратился в пылающий желто-зеленый огненный шар.

Крики стали еще ужаснее – они превратились в жуткое, отчаянное завывание, исполненное мучительной боли. Внезапно послышался истерический женский визг.

Росс позволил себе одну секунду насладиться – как если бы слушал музыку. Потом он подхватил резиновую перчатку, плотно закрыл за собой дверь, повернул ключ, вынул его из замка и, сжимая в зубах, снова натянул перчатку. Вниз он спустился по пожарной лестнице.

Он перелез через забор за домом, спрыгнул на бетонный фундамент стройплощадки и, согнувшись, пополз вниз по пандусу, туда, где потом соорудят подземную автостоянку. Оранжевого света от уличных фонарей вполне хватало; он видел все.

Велосипед стоял на месте, заботливо спрятанный за бетономешалкой – там, где он его и оставил. Он вскочил в седло, на некоторое время выключил фары и начал бешено накручивать педали. Быстро поднялся по пандусу – и прочь отсюда, на оживленную главную улицу.

Когда Росс решил, что отъехал на безопасное расстояние, он остановился и включил передние фары и задние фонари. Затем поехал дальше в умеренном темпе – обычная фигура велосипедиста, часть ночного пейзажа, которая ни для кого не представляет интереса.

Прошло целых пять минут, прежде чем он услышал завывание первой сирены пожарной машины.

26

– Мистер Рансом, я отказываюсь верить в то, что вы не понимаете очевидных вещей, – заявила леди Джеральдина Рейнс-Райли. – Остальным все ясно с первого взгляда.

Она говорила очень четко и медленно, словно по слогам; ее произношение было до боли безупречным. Интонация выдавала презрение, как если бы она распекала нерадивого лакея, который едва владеет английским языком, и как будто разговор с ним крайне утомителен для нее.

За такую фигуру, как у Джеральдины, многие женщины были бы готовы убить: высокая, гибкая; великолепный бюст, над которым отлично потрудился предшественник Росса, другой пластический хирург; потрясающие ноги, за которые ей следовало поблагодарить своих родителей, и длинные белокурые пряди, красотой которых, как безошибочно свидетельствовали ее брови цвета воронова крыла, она была обязана искусству своего парикмахера.

Ее внутренние биологические часы только что протикали пятьдесят два года, хотя репортеры светской хроники давали ей сорок семь. Внешне она выглядела куда моложе: прежний пластический хирург отрезал, отсосал и удалил ей лет двенадцать. И не многие тридцатипятилетние красотки могли бы соперничать с ней. Какая жалость, что нельзя с помощью операции изменить также и ее характер!

Небрежно развалившись в кресле, она продолжала выговаривать Россу. Она была одета так, как одеваются только богатые. Есть что-то в одежде, по-настоящему дорогой, что отделяет ее обладателей от простых смертных. А леди Джеральдину Рейнс-Райли отделяла от простых смертных космическая пропасть – она была существом с иной планеты. Россу хотелось, чтобы Вера переняла такую манеру держаться, но... Сколько бы денег он на нее ни тратил, общая формула, так сказать, ускользала от него.

– Я обратилась к вам, мистер Рансом, потому что все, с кем я советовалась, считают вас лучшим хирургом в нашей стране, – продолжала его посетительница.

Хотя Росс ничего не ответил, он отлично знал, почему леди Джеральдина Рейнс-Райли на самом деле так часто меняет хирургов: его коллега, Николас Паркхаус, настоящий мастер своего дела, счел дамочку настолько невыносимой, что попросту отказался делать ей очередную операцию. Обычно Росс умел справляться с трудными пациентами, но он уже горько сожалел о том, что взвалил на себя новую обузу.

Его соблазнило само имя Рейнс-Райли. Дамочка сделала стремительную карьеру: от обычной шлюшки, о которой писали на третьих страницах желтых газет, до персоны из списка сливок общества. Она взлетела на самый верх благодаря трем следующим друг за другом бракам; каждый ее новый муж был богаче и знатнее предыдущего. Ее теперешний супруг, умный и симпатичный баронет, фигурировал в списке ста самых богатых людей по версии «Санди таймс». Репортажи об этой парочке не сходили с полос светской хроники: то они играют в поло с принцем Уэльским, то посетили Уимблдон вместе с Томом Крузом и Николь Кидман, то отбыли на оперный фестиваль Глайнбурн с королем и королевой Норвегии. Леди Джеральдина пожелала сделать подтяжку лица, чтобы лучше выглядеть перед съемками для журнала «Хелло!», запланированными в их громадном особняке, однако осталась недовольна результатом. Росс с досадой осознал: подобный исход был неизбежен. Она не из тех женщин, которым когда-либо и чем-либо можно угодить.

Возможно, есть доля правды в тех слухах, которые Вера когда-то показывала ему в колонке светской хроники в «Дейли мейл»: поговаривали, будто, несмотря на все свое богатство, леди Джеральдина пару-тройку раз отказывалась платить по счетам.

– У меня асимметричное лицо – надеюсь, вы в состоянии это заметить.

– Леди Рейнс-Райли, если вы взглянете на Мону Лизу, то увидите, что у нее лицо тоже асимметричное.

Когда она артикулировала, лошади с пышными султанами, галопирующие на складках ее шелкового шарфа, медленно поднимались и опускались.

– Если хотите знать мое мнение, ваша Мона Лиза – просто старая кошелка. Сравнение с нею несколько мне не льстит. Кроме того, вы определенно испортили мне нос. Теперь он совершенно прямой, а я, помнится, недвусмысленно высказала вам свои пожелания. Я хотела, чтобы мой нос стал короче. Понимаете – ко-ро-че! Разумеется, и речи не может быть о том, чтобы я оплачивала ваши огрехи, и потому я требую, чтобы вы точно сказали, как вы намерены исправлять брак.

Россу понадобилась вся сила воли, чтобы сдержаться и не нагрубить ей. Дамочка сама не знает, чего хочет! Он отлично потрудился над ней; никакого сравнения с тем, что было. Но в то же время он понимал: если он промолчит или нахамит пациентке, она способна испортить ему много крови.

Решив положиться на свое обаяние, он спросил:

– А как ваш супруг относится к переменам в вашей внешности?

– Мистер Рансом, вряд ли мнение моего мужа имеет отношение к делу. Самое главное – мои ощущения.

– Конечно, конечно, – торопливо согласился Росс.

– Итак, что вы намерены предпринять?

Подняв кверху руки, он воскликнул:

– Вы готовы еще к одной операции?

– Я не трусиха, знаете ли. Неужели я похожа на трусиху? С моим-то асимметричным, как вы выразились, лицом!

– Разумеется, нет.

– Надеюсь, вы сознаете, что повторная операция крайне неприятна и неудобна для меня?

– Да, леди Рейнс-Райли; кроме того, считаю своим долгом напомнить вам, что риск существует при любой операции.

– Я только что говорила, что я не трусиха, – язвительно парировала его клиентка, – но у меня каждый день расписан буквально по минутам. Кроме того, вы должны компенсировать мне все дополнительные убытки, которые я понесу в связи со второй операцией.

– Вы можете хотя бы приблизительно указать размер ваших предполагаемых убытков? – хладнокровно спросил Росс.

– Мои поверенные представят вам список, – ответила его пациентка с улыбкой, способной разьесть нержавеющую сталь.

27

Навес автозаправочной станции развевался, словно аэродинамическая труба. Склонив голову, чтобы защититься от безжалостных струй дождя, Вера стояла у своего «рейнджровера». Как медленно сегодня наливается бензин в бак! Она следила за мелькающими на табло цифрами. Дождь атаковал со всех сторон, стуча по водонепроницаемому дождевику. Джинсы прилипли к ногам; волосы намокли.

Алек, надежно пристегнутый ремнем безопасности на заднем сиденье, помахал ей и соорудил смешную рожицу. Она тоже в ответ скорчила гримасу. Он прислонился к стеклу, расплющив нос, и свесил язык, словно ненормальный. Она рассмеялась. «Ты такой славный малыш, – подумала она. – Ты смешной, умный, добрый. Ты ни в чем не виноват. Я хочу забрать тебя от Росса до того, как он сделает тебя надменным, грубым и жестоким – таким, как он сам».

В последние двадцать четыре часа после того, как она едва не умерла в присутствии Оливера Кэбота, ей стало чуть лучше – и физически, и душевно. Вчера ночью к ней вернулся аппетит; утром и в обед она настолько проголодалась, что съела огромный гамбургер и размокшие чипсы, когда была с Алеком и его друзьями в парке развлечений. Она только что развезла детей по домам. Впервые после возвращения из Таиланда ей по-настоящему хотелось есть. Вот и сейчас она ощутила приступ голода. Вот бы чего-нибудь сладенького!

Может быть, доктор Риттерман все-таки прав и инфекция пройдет сама по себе?

Послышался щелчок. Бензин полился быстрее; прошло несколько секунд, и струя перехлестнула через край и полилась по борту машины. Вера повесила пистолет на место, завинтила крышку бензобака и поспешила укрыться от дождя в теплом, уютном магазинчике при автозаправочной станции.

В кассу стояла очередь. Перед тем как занять место в конце, она подошла к полкам и позволила себе роскошь на несколько секунд задуматься. Журналы были одной из ее слабостей; особенно она любила страницы, посвященные кулинарии и дизайну интерьера. Наконец она выбрала последние выпуски «Гуд хаускипинг», «Кантри хоумз»⁶ и «Хелло!». Прихватила коробку «Молтезерз» для себя, круглые «Смартиз» для Алека и встала в очередь. За ней тут же пристроился мужчина довольно помятого вида.

Сегодня за кассой сидел парень, которого она недолюбливала: тощий и заносчивый юнец лет двадцати, с сальными светлыми волосами, зачесанными гребнем, с серьгой в ухе, модной трехдневной щетиной на подбородке. У него на губах то и дело мелькала хитрая ухмылка.

Он долго возился с покупателями, стоявшими впереди нее, и Вера задумалась. Когда очередь дошла до нее, ее мысли были очень далеко.

– Какая колонка?

Она непонимающе уставилась на парня, совершенно позабыв, где она находится.

– Какая колонка? – повторил он громче, чем надо.

⁶ «Good Housekeeping», «Country Homes» – «Домоводство», «Загородные дома» (англ.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.